

Т. Г. Минеева, В. Б. Романовская, И. В. Савченко

Церковное судопроизводство в Российской империи

**Т. Г. Минеева
В. Б. Романовская
И. В. Савченко**

**ЦЕРКОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2020

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)
М61

Рецензенты:

канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Приволжского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»

С. В. Тищенко;

канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории права
и государства факультета права НИУ «Высшая школа экономики»

М. Е. Лошкарева

Минеева Т. Г.

М61 Церковное судопроизводство в Российской империи :
монография / Т. Г. Минеева, В. Б. Романовская, И. В. Савченко. –
Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-907313-74-3

В монографии рассматриваются проблемы создания, функционирования и реформирования судов Русской православной церкви в Российской империи. Исследуются особенности функционирования органов церковной юстиции. В то же время указывается на прямую связь церковных судов и государственных органов как следствие реформ Петра I и Екатерины II. Подробно рассматриваются попытки реформ церковных судов и эволюция представлений об их статусе.

Монография адресована студентам, аспирантам, докторантам юридического профиля, а также всем, кто интересуется вопросами истории государства и права и взаимоотношений государства и церкви.

DOI 10.31483/a-10220
ISBN 978-5-907313-74-3

© Минеева Т.Г., Романовская В.Б.,
Савченко И.В., 2020
© ИД «Среда», оформление, 2020

Оглавление

Введение.....	4
ГЛАВА 1. Церковный суд и его эволюция во второй половине XIX в.	10
ГЛАВА 2. Источники права церковных судов в России	30
ГЛАВА 3. Суд Русской Православной церкви: преступления и наказания.....	43
ГЛАВА 4. Духовные консистории и их деятельность	79
Заключение	96
Список литературы	97

Введение

Церковный суд в России является феноменом судебно-правовой системы.

В исторической ретроспективе религиозное право начало формироваться, пожалуй, одновременно или даже раньше права позитивного. Первые правовые нормы, складывавшиеся у различных народов на этапе становления общественных и государственно-правовых институтов, чаще всего носили религиозный характер. Не говоря о древневосточных монархиях, где сам источник права был связан с культами богов (дарование законов Хаммурапи богом справедливости Шамашем, существование богов Гора и Маат в Древнем Египте, дарование 10 заповедей Моисею и пр.), мы в государствах античного мира постоянно встречаемся с элементами религиозного права и, соответственно, существованием религиозного суда. Так, одним из главных источников права в античной Греции и вообще странах, составлявших тогдашнюю Ойкумену, являлся Дельфийский оракул или, шире, решения Дельфийской амфикионии. Это же можно сказать о ретре Ликурга в Спарте.

Ареопаг, ранний суд Древних Афин, как раз был создан для рассмотрения религиозных дел, как об этом рассказывает цикл трагедий Эсхила «Орестея», и именно в качестве религиозного суда он и завершил свое существование после реформ Клисфена и Фемистокла.

Что касается Древнего Рима, то Марк Туллий Цицерон, великий судебный оратор и знаток права, классифицируя римское право, выделил как самостоятельную его ветвь право *fas*, регулирующее правоотношения в религиозной сфере, правовой статус жрецов и жриц, храмов и храмовых земель, а также людей, проживавших на этих землях. Право *fas* использовалось жреческими коллегиями Древнего Рима для решения многих вопросов, которые современные юристы сочли бы относящимися к отраслям гражданского, семейного и даже конституционного права. Нормами права *fas* руководствовался религиозный суд, возглавляемый великим понтификом (*pontifex maximus*). Не случайно в период становления римской империи полномочия великого понтифика стали принадлежать императору, религиозные суды, таким образом, были включены в систему имперской бюрократии.

После становления христианства как государственной религии в большинстве европейских стран религиозное (каноническое право) стало отдельной, хорошо организованной и динамично развивающейся областью права. Однако религиозные суды в Западной Европе почти никогда не были частью государственных органов и обладали значительной самостоятельностью. Одним из немногочисленных исключений может считаться Суд Высокой комиссии при Елизавете I в Англии. В состав этого суда входили как члены Тайного совета королевы, так и иерархи англиканской церкви, а главной целью было усиление королевского влияния в церковных делах. Отметим, что подобная ситуация была редкой, почти исключительной, и являлась следствием положения английского монарха как главы англиканской церкви.

На Руси церковные суды появились непосредственно после крещения, предпринятого князем Владимиром. Кроме культурного и идеологического значения крещение имело и правовые последствия, в том числе появление целого комплекса правовых и процессуальных норм, которые должны были обеспечить функционирование церковных институтов, поддержать правовой статус священнослужителей, а также регулировать ряд отношений в обществе. «Церковный устав князя Владимира Святославича» не только определяет статус православной церкви, но и формирует юрисдикцию церковного суда, к которой относились преследование преступлений против церкви, проступков и преступлений, совершаемых священнослужителями и лицами, находившимися под властью церкви, а также семейное право.

Исследователи выделили несколько судебных процессов, которые велись церковным судом, и отметили субъективность и неподконтрольность патриархии этих судов. Кроме того, в судебных заседаниях принимали участие также и представители светской власти¹, причем часто неправомерно поддерживая угодных княже-

---

¹ Гайденко П.И. Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII в.), несколько наблюдений / П.И. Гайденко, В.Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2011. – Вып. 45. – №12 (227). – С. 108.

ской власти священнослужителей. Кроме того, часто использовались нормы гражданского права². Это обстоятельство явно показывает, что на практике церковный суд был тесно связан со светской властью.

Собственно, именно светская власть занималась развитием церковных судов и стремилась сделать их удобным инструментом внутренней политики. Стоглавый собор 1551 года, результатом деятельности которого стал сборник «Стоглав» или «Соборное Уложение Собора Русской православной церкви», своим возникновением обязан реформам Ивана Грозного. И хотя вопросы царя о несудимых грамотах и святительском суде рассматриваются иногда как стремление сократить юрисдикцию церкви³ и усилить централизованную государственную власть, «Стоглав» упорядочил церковное судоустройство и судопроизводство. Многие статьи «Стоглава» служили источником права и в XVII–XVIII вв.⁴

Реформы Петра I превратили русскую православную церковь в часть бюрократического аппарата Российской империи. Созданный первым российским императором Святейший Синод фактически являлся одной из коллегий, правда, обладавшей судебной системой. Петр I в вопросах религии руководствовался принципом государственной целесообразности и не останавливался перед нарушением догм христианства, как-то отмена тайны исповеди в случае необходимости.

Петровские реформы сформировали церковную юстицию, необходимую для укрепления абсолютизма в России. Значительное количество судебных процессов против движений, имевших религиозную окраску, таких как молокане, баптисты, меннониты и пр., велось духовным ведомством, проводилась целенаправленная политика на искоренение инославных конфессий, признанных правительством «вредными». Духовные консистории станут органами, ответственными за подготовку таких процессов.

---

² Там же. С. 109.

³ Зимин А.А. Пересветов и его современники. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 94.

⁴ Емченко Е.Б. Церковный суд в постановлениях Стоглавого собора 1551 г. // Исторический вестник. – 2002. – №1 (16).

В советский период отдельными законодательными актами, такими как Устав Русской православной церкви, принятый на Поместном соборе 1988 года, сформировалось представление о Поместном соборе как коллективном органе, обладающем судебной властью и передававшем непосредственное рассмотрение судебных дел об отлучениях, разводах, запрещениях административным органам Русской православной церкви⁵.

В переходный период 2000-х годов конфликты в среде священнослужителей или между церковным клиром и прихожанами разбирались в светском суде. Примером может служить спор между Татьяной Малахович и епархией Южно-Сахалинской и Курильской. В этом конфликте суд встал на сторону Малахович, усмотрев в ее отлучении от «церковного общения» нарушение конституционного права на свободу вероисповедания. Татьяна Малахович, обнародовавшая информацию о нетрадиционной ориентации некоторых клириков епархии, была отлучена от церкви решением приходского совета⁶. Сахалинский городской суд признал отлучение антиконституционным. Однако уже Сахалинский областной суд, рассматривая кассационную жалобу епархии, принял решение о неподсудности этого вопроса светскому суду. Непростая ситуация с подсудностью подобных казусов не могла не найти отражения в отечественной историко-правовой науке⁷.

В постсоветской России существование церковных судов было оправдано главным нормативно-правовым актом государства – Конституцией РФ 1993 года. Хотя Конституция провозглашала светский характер государства и свободу совести как одну из основополагающих гражданских свобод, но в ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» отражен принцип уважения к внутренним установлениям Русской Православной церкви⁸. Если широко толковать правовую норму данного

---

⁵ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. – М.: Духовная библиотека, 2004. – С. 192–193.

⁶ Анафема – дело неподсудное // Коммерсантъ. – 2001. – №158. – С. 7.

⁷ Гаранова Е.П. Соотношение церковной и светской юрисдикции: история и современность // История государства и права. – 2007. – №21. – С. 13–16.

⁸ Конституция РФ 1993 г. – М.: Юридическая литература, 2009 (Ст. 14, 28); Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 №125-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/11523>.

закона, то к таким внутренним установлениям вполне можно отнести всю систему российского православного церковного права, а также систему внутрицерковных дисциплинарных органов, в том числе и церковного суда.

Сложившаяся ситуация получила развитие в принятом в 2008 году «Положении о церковном суде». Устав Русской православной церкви 2000 года также подтверждает существование церковного суда в РФ и определяет его юрисдикцию. Были названы задачи церковных судов – восстановление нарушенного порядка и строя церковной жизни, установлена структура церковных судов. Дополнительным актом, «Перечнем церковных правонарушений, подлежащих рассмотрению церковными судами», была закреплена юрисдикция церковных судов⁹.

Сравнивая правовые нормы, определяющие функционирование органов судебной власти в России, и пункты «Положения о церковном суде», можно заметить схожие моменты в структуре, нормативных актах, процессуальном праве, организации апелляционного процесса. Более того, церковный суд предусматривает также процедуру медиации, которая совсем недавно получила признание как стадия досудебного урегулирования споров. На этом основании М.А. Шестаков, например, делает вывод о том, что органы церковного суда в России представляют собой квазисудебные органы, имеющие прямое отношение к судебной системе Российской Федерации¹⁰.

Действительно, процессуальные нормы церковного суда в современной России очень близки тем, что действуют в государственных светских судах. Это и презумпция невиновности, и порядок вступления в силу решений церковного суда, и использование русского языка как языка делопроизводства. Некоторые российские ученые-правоведы приветствуют сложившееся положение и

---

⁹ Собрание документов Русской православной церкви. Т. 1. Нормативные документы. – М.: Изд. Московской патриархии Русской православной церкви, 2013. – С. 154–155.

¹⁰ Шестаков М.А. Церковные суды Русской Православной церкви как квазисудебные органы // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции памяти проф. Ф.М. Рудинского (24 апреля 2014 года). – М.: Изд. ЦОЗ, 2014. – С. 103.

утверждают, что наличие квазисудебных органов позволяет снизить нагрузку на судебные инстанции, обеспечить быстрое и справедливое решение многих конфликтных ситуаций¹¹.

Вместе с тем, в процедурах и организации церковного суда сохраняются многие элементы, роднящие его с судами, действовавшими на основе «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», утвержденных в Москве в 1775 году¹².

В качестве резюме можно сказать следующее – церковь и, особенно, судебные органы церкви соединялись с органами государства преимущественно в тех случаях, когда государство испытывало потребность в укреплении своих позиций. Для российской истории государства и права характерно именно государственное начало в эволюции церковного права и церковных судов. Особенно явно это происходило в период реформ государственных и правовых институтов. Поэтому эволюция церковного суда в России, происходившая на фоне коренных изменений базовых и надстроечных институтов второй половины XIX – начала XX в., представляется достойной изучения.

Исходя из вышесказанного, представляется полезным для развития историко-правовой науки рассмотреть некоторые аспекты деятельности церковных судов в Российской империи XIX–XX вв.

---

¹¹ Шестопапов М.А. Церковные суды Русской Православной церкви... – С. 103.

¹² Тетюхин И.Н. Становление церковных судов в Российской Федерации // Вопросы современной науки и практики. Университет им. Н.И. Вернадского. – 2015. – №1 (55). – С. 202–203.

ГЛАВА 1. ЦЕРКОВНЫЙ СУД И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Изучение института современного церковного суда РПЦ и истории его развития вынуждает обратиться к его первоисточнику – церковному суду греко-римской церкви. Церковный суд возник как институт, осуществляющий надзор за соблюдением церковной дисциплины посредством церковного судопроизводства. Основной задачей церковного суда являлось обеспечение порядка внутренней жизни церковного сообщества и соблюдение правил веры и жизни в надежде приобретения спасения в будущем. Меры воздействия церковного суда носили как исправительный, так и карательный характер. Изначально церковный суд распространял свое действие исключительно на членов церковного сообщества, как клириков, так и мирян, вне зависимости от их положения в гражданском обществе. Мотивацией привлечения к церковной ответственности являлось наличие особых христианских обязанностей. Формы судопроизводства в церковном суде формально можно разделить на два вида в зависимости от субъекта церковного правонарушения: судебный процесс над мирянами и судебный процесс над клириками. Эти процессы различаются между собой не только процессуальными формами, но и составами правонарушений и ответственностью за них. В рамках данной работы будет проведен анализ основных церковных правонарушений и наказаний за них.

Церковный суд достаточно активно использовался как инструмент воздействия на мирян, являющихся членами церковного сообщества. Структурно правонарушения простых верующих можно разделить на следующие группы:

1) нарушение правил веры: измена христианской веры (добровольная или вынужденная); волшебство, гадание; участие в праздниках и обрядах язычников и иудеев; участие в предосудительных играх, зрелищах и народных суевериях, составляющих остаток языческих верований и обычаев; ересь; чтение и распространение сочинений, направленных против христианского учения; богохульство; клятвопреступничество;

2) нравственные правонарушения: отдельные виды убийства (самоубийство и покушение на самоубийство, совершение аборта, оставление новорожденного ребенка на произвол судьбы, убийство при необходимой обороне); блуд; прелюбодеяние; кровосмешение;

противоестественные пороки; содержание домов терпимости; писание соблазнительных картин; искусственное украшение женщин для прельщения мужчин; многобрачие; вступление в брак подвластных лиц без согласия родителей; заключение браков с еретиками и родственниками, во время поста; похищение невест; разграбление могил; ростовщичество; святотатство;

3) нарушения церковной дисциплины: пропуски богослужений в воскресные и праздничные дни, уклонение от исповеди и причастия, самовольное строительство церквей и монастырей; непокорность церковной власти; несоблюдение церковных уставов в домашнем и общественном быту; и прочее. Авторитетный в начале XX в. специалист в области церковного права М.Е. Красножен следующим образом определял границы юрисдикции церковной юстиции: «<...> в России Православная церковь с самого начала своего появления получила в свое ведение чрезвычайно много уголовных дел разного рода: 1) преступления против веры и церкви, 2) преступления против семейного союза, 3) преступления против целомудрия, 4) некоторые случаи смертоубийства <...>, если убитым являлось лицо бесправное, стоявшее под покровительством церкви, 5) личные обиды, совершенные в кругу семейного союза или против женщин, или обиды, нанесенные способом особо позорным»¹³.

Клирики подвергались наказаниям за все аналогичные преступления мирян: «Если духовное лицо совершит преступление против веры, нравственности и церковных уставов, подвергающее мирянина церковному суду и наказанию, то, естественно, и оно должно подлежать суду и наказанию. Ибо по общему правилу, что укоризненно в мирянах, то достойно осуждения в принадлежащих к клиру». К клирикам, которые согласно церковным канонам должны были служить примером для подражания простых верующих, предъявляются повышенные нравственные требования, несоблюдение которых рассматривалось как церковное правонарушение: вступать в брак до получения сана; жены клириков должны быть не зазорного поведения как до брака, так и во время (принцип

---

¹³ Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. – Юрьев, 1900. – С. 114–115.

объективного вменения); не обедать наедине с посторонними женщинами; не присутствовать на театральных представлениях и конских скачках, домашних пиршествах; клирики должны устраняться от любых мирских дел (управление чужими имениями, ведение судебных дел, занятие светских должностей, взимать проценты по договорам займа); клирик не может причинять вред здоровью и имуществу даже при необходимой обороне.

Особой категорией правонарушений клириков являлось нарушение служебной дисциплины. К нарушениям служебной дисциплины можно отнести:

1) неисполнение должностных обязанностей: неправильное совершение таинств, произвольное изменение церковного устава; произвольное оставление паствы; небрежное исполнение своих обязанностей (равнодушное отношение к церковному имуществу, занятие собственными делами в ущерб церковным); неисполнение установленных правил при получении священной степени.

2) превышение властных полномочий и присвоение чужих прав.

3) своеволие, самоуправство и неуважение церковной и служебной дисциплины: самовольный переход из одного прихода в другой; нарушение правил поместного управления церквями; вмешательство епископов в дела чужих епархий; неуважение к суду других церквей; самовольное решение епископа в делах, требующих согласие собора; самовольное отречение от занимаемой должности без уважительных причин.

4) прямое неповиновение законной церковной власти.

5) взяточничество при осуществлении прямых обязанностей, присвоение церковного имущества, растрата.

Законодательное определение предметов ведения церковного суда в Византийской империи не означало его полной обособленности от светского суда. В некоторых случаях церковная власть пользовалась содействием органов государственной власти в сфере принятия определенных наказаний. Церковь поддерживала светские власти в утверждении законов, устанавливающих наказания за преступления, аналогичные церковным правонарушениям. Например, к уголовным преступлениям со временем стали относиться ересь, выход из христианской веры, богохульство, лжеприсяга, театральные представления и другие. Деятельность уголовного светского суда не

исключала возможности применения наказания за них путем церковного судопроизводства. В таких случаях дело в церковном суде могло быть разрешено путем изучения материалов светского суда. Иногда вопросы подведомственности дела решались в момент возбуждения процесса.

Если же дело рассматривалось только светским судом, епископы сохраняли право ходатайствовать о смягчении наказания преступника. С этим правом тесно было связано право преступников искать себе убежище в христианских храмах. Убежищем служила территория храма, обнесенная церковной оградой, и все постройки, находящиеся в этом пространстве. Неприкосновенность церковного убежища охранялась таким уголовным наказанием как смертная казнь. Духовное лицо, выдавшее преступника, лишалось духовного звания и подвергалось такому же наказанию, как и выданный преступник. Судья, насильственно лишивший преступника убежища, терял свою должность, подвергался телесному наказанию и конфискации имущества. Нередко право убежища было ограничено светскими законами. Не могли воспользоваться правом убежища государственные и частные должники, уже осужденные преступники, прелюбодеи, похитители невест, убийцы. Преступник, воспользовавшийся правом церковного убежища, должен быть подвергнут публичному церковному покаянию, после чего он выдавался в руки светского правосудия. Император мог простить преступника или назначить любое светское наказание, за исключением смертной казни.

Некоторые категории преступлений, которые игнорировались светским уголовным законом, или наказание за которые представляло собой денежный штраф, подлежали обязательному церковному суду (кровосмешение, браки при близких степенях родства, братоубийство).

Беглый анализ церковного суда греко-римской церкви позволяет прийти к выводу о его значительном месте в механизме правового регулирования византийского общества, об огромном вкладе церковной юстиции в светскую юриспруденцию.

Влияние греко-римского церковного суда на становление и развитие аналогичного суда в России несомненно. Прежде всего, следует отметить сложившиеся в русском государстве отношения между светской и духовной властью, выстроенные по формуле

«симфония властей». В отличие от церкви Западной Европы, греческая церковь отвергала догмат о примате власти духовного главы и, следовательно, и церковного права. Уже в Древнерусском государстве церковь являлась самостоятельным институтом, законодательство русских князей практически не затрагивало внутренние дела церкви. Русская православная церковь обладала экономической и правоприменительной самостоятельностью. Впрочем, в ряде случаев мы можем говорить о зависимости русской православной церкви от государства. Так, например, известны многочисленные жалованные грамоты Московских великих князей игуменам монастырей. Даже главы Московской митрополии не были независимы от русских монархов. Хорошо известна судьба митрополита Филиппа Колычева, низложенного церковным собором по желанию Ивана IV и впоследствии задушенного Малютой Скуратовым, или патриарха Гермогена, умершего от голода в темнице Московского Кремля.

Особенности взаимоотношений светской и духовной власти на Руси применительно к Древнерусскому государству были подмечены Я.Н. Шаповым, им подчеркивалось расширение полномочий церкви без конфликта со светской властью¹⁴.

В XVIII–XIX вв., по мнению С.В. Римского¹⁵, церковь полностью зависела от государства, не могла самостоятельно избирать обер-прокурора Синода, ставить епископов на епархиальные кафедры. Все эти полномочия сосредоточились в руках императора. Из приведенных положений вытекала политическая зависимость церкви от государства: царь не только назначал обер-прокурора Синода, но также утверждал кандидатов в архиерейский сан и епархиальные кафедры. Обер-прокурор, назначенный царем, был «оком государевым», он не мог быть подвергнут никакой критике. Церковная иерархия стала дублировать систему министерств. Обер-прокурор каждое утро, как и остальные министры, подавал доклад о делах ведомства, члены Синода не имели доступа к императору, таким образом, докладывать имел право только обер-прокурор Синода.

---

¹⁴ Шапов Я.Н. «Священство» и «царство» в Древней Руси в теории и на практике // Византийский временник. – 1988. – Т. 50. – С. 135.

¹⁵ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. – М.: Крутицкое подворье. Общество любителей церковной истории, 1999.

Петр I, проводя религиозную реформу, представлял Синод частью государственного аппарата. Новому церковному органу предстояло стать проводником идей императора в политической сфере, что и происходило в течение XVIII–XIX вв. По мнению А.В. Карташева, первый российский император почерпнул эту идею в трудах С. Пуфендорфа, который описывал исторические примеры использования церковных служб для решения политических вопросов¹⁶. Митрополит Евлогий (Георгиевский) красноречиво описывал положение церковных структур в это время: «приниженность Церкви, подчиненность ее государственной власти чувствовалась в Синоде очень сильно <...> Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык»¹⁷. Прежняя «симфония властей» была заменена полным господством государственного аппарата.

Иногда можно встретить мнение, что последним оплотом независимости церкви оставался церковный суд, обладавший правом подсудности не только по отношению к священнослужителям и членам их семей, а также монашествующей братии, но и применительно к светским людям в делах, касавшихся бракоразводных процессов, цензуры и вопросов вероисповедания.

Однако при проведении либеральных реформ перед Александром II и его окружением встала проблема судебной реформы и, в том числе, реформы церковного суда. Церковные административные органы не существовали и не могли в Российской империи существовать независимо от государственной власти. Сама идея реформирования государственных и правовых институтов в духе либерализма означала подчинение церковного суда общим правовым принципам и нормам.

Юрисдикции церковного суда подлежали проступки и преступления, совершавшиеся духовными лицами и членами их семей, взаимные споры среди духовенства, проступки и преступления мирян против еры и церкви, а также вопросы семейного права, такие как бракоразводные процессы или признание брака недействительным. Случаи непочтительного отношения детей к родителям также были предметом разбирательства в церковном суде.

---

¹⁶ Карташев А.В. Церковь. История. Россия. – М.: Пробел, 1996. – С. 231.

¹⁷ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. – Париж: YMCA-Press, 1947. – С. 180–181.

Примеры семейных трагедий, хорошо известных по сочинениям классиков русской литературы XIX в., имели место в разных социальных группах. Процессы по семейным делам шли в церковных судах очень долго, требовали значительных затрат и, к сожалению, часто осложнялись произволом архиереев и сотрудников духовных ведомств.

Приближенные Александра II, разрабатывавшие концепцию судебной реформы, остановились на таких поистине демократических принципах судопроизводства, а именно «всесословный характер суда, независимость суда от администрации, несменяемость судей, равенство всех перед законом и судом, гласность, состязательность, право на защиту, участие общественности в отправлении судопроизводства»¹⁸. Для середины XIX в. эти принципы были совершенно новыми и даже вызывающими. Не случайно споры о том, может ли функционировать в новых условиях церковный суд, переросли в полемику о самом существовании церковного суда, что широко обсуждалась в прессе.

Одним из наиболее авторитетных и пользующихся уважением авторов был Н.К. Соколов, профессор Московского университета¹⁹.

Основной идеей, высказанной Н.К. Соколовым, была независимость церковного суда не только от светских органов власти, но также и церковной администрации. Автор обращал внимание на последствия зависимости суда от капризов администрации: «деморализуя администрацию, развивая в ней произвол и склонность действовать по собственному усмотрению, почти совершенно убивает суд, обращая его в покорное орудие для прикрытия административного произвола и для сообщения его действиям, в случае нужды, внешней формальной законности»²⁰. Кроме того, по мне-

---

¹⁸ Немытина М.В. Суд в России второй половины XIX – начала XX в. – Саратов, 1999.

¹⁹ Соколов Н.К. Каноническое устройство церковного суда по началам вселенского соборного законодательства // Православный собеседник. – 1870. – Ноябрь – декабрь. – С. 586–609, 752–768; Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда в виду современных потребностей // Православное обозрение. – 1870. – Май, июнь. – С. 822–853, 973–1010.

²⁰ Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда... – С. 825.

нию Н.К. Соколова, само церковное право было недостаточно разработано. «Потребность в своде церковно-гражданских законов, в которых разнообразные и разновременные узаконения были бы объединены единством основной идеи, связаны в стройную систему и получили бы прочность, определенность и постоянство – эта потребность в настоящее время не может не представляться существенною»²¹. Поэтому возникла необходимость «пересмотреть, обработать и привести в строго определенную форму <...> действующее церковное право»²².

Также он выступал против вторжения государственного чиновничьего элемента в церковную жизнь и тех подделок под древние формы свободной церковной жизни, которые могут служить прикрытием начал и тенденций, чуждых свободному духу древней христианской церкви.

Статьи Николая Кирилловича Соколова о церковном суде вызвали, с одной стороны, сочувствие к нему известной части общества и Св. Синода, который даже руководился ими, а, с другой, – страстную полемику; как бы в ответ на нее он в конце 1871 года напечатал статью «О разделении суда и администрации в епархиальном ведомстве», резюмирующую его выводы²³.

Принцип независимости церковного суда представлялся первичным, иначе суд станет смешением «нравственных понятий с юридическими и господство полного произвола и личных соображений епархиальной власти»²⁴.

Острая критика православного монашества, существующей в нем иерархии и особенно церковного суда звучала в сочинениях профессора Дм. Ив. Ростиславова и калязинского священника И.С. Беллюстина, изданных в Берлине и Лейпциге. Графом Д.А. Толстым были представлены собственные заключения по поводу реформы церковного суда. Д.А. Толстой, несколько лет бывший обер-прокурором Синода, а также министром просвещения и

---

²¹ Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда... – С. 844.

²² Там же.

²³ Православное Обозрение. – 1871. – №10–11.

²⁴ Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. – Казань, 1893. – С. 249.

министром внутренних дел, полагал, что центральной частью реформы духовного суда должно стать изменение подсудности светских лиц по бракоразводным делам и реформирование церковных судов, находящихся под властью архиерея, в выборные пресвитерские суды.

Против проекта Д.А. Толстого высказывался А.Ф. Лавров-Платонов, экстраординарный профессор по кафедре греческого языка Московской духовной академии, с 1870 года – профессор кафедры церковного законовещения, представивший собственный проект реформы²⁵. Богослов предлагал, чтобы архиереи сохранили судебную власть, однако и ограничивая ее вновь создаваемым органом – коллегией пресвитеров. Также он выступал против передачи бракоразводных дел светскому суду. Особое значение Лавров-Платонов придавал сменяемости и выборности судей и гласности суда.

Конфликты между реформированным гражданским правом и духовным судом были предопределены, однако Св. Синод попытался сгладить противоречия, приспособив судопроизводство к принципам Уставов 1864 года. В 1865 году архиепископ Тверской и Кашинский Филофей (Успенский) стал председателем соответствующего комитета, однако ничего сделать не сумел, так как реальных полномочий у него не было. Обер-прокурор Св. Синода Д.А. Толстой в 1870 году учредил специальный Комитет под председательством архиепископа Литовского Макария (Булгакова). В этот комитет были включены члены действующих судов. В его составе не было ни одного монаха и ни одного епископа, он был составлен из светских лиц и представителей белого духовенства.

Фактическая работа комитета началась в 1872 году, когда к рассмотрению были представлены сильно переработанный проект А.Ф. Лаврова-Платонова и проект киевского архиерея Петра Лебединцева. Поправки в проект вносили члены комитета, епархиальные архиереи.

Представленный в конце концов проект в своей преамбуле утверждал неудовлетворительность основных положений организации церковного суда. Комитет полагал, что отсутствие объективности и независимости церковных судов кроются в соединении судебной и административной власти в руках архиерея, отсутствии

---

²⁵ Лавров-Платонов А.Ф. Предполагаемая реформа церковного суда. – СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1873.

законов, соответствующих гражданским правовым нормам, письменном характере судопроизводства. В проекте предлагалось отделить судебную власть от административной и обвинительной, изменить состав судов, сделав их более близкими обвиняемым, отменить формальность судопроизводства и заочное ведение судебного процесса. Предлагалось также заменить письменное судопроизводство устным, ввести публичные заседания суда.

Комитет считал, что ведение бракоразводных дел, вызывавшее наибольшие нарекания у общественности, должно быть передано светским судам, чтобы «освободить духовное ведомство от производства многих нередко весьма сложных следствий, а духовное начальство от разбора дел, наполненных иногда описанием фактов самых соблазнительных и возмутительных в нравственном отношении»²⁶.

Особое внимание в проекте комитета уделялось структуре церковного суда. В отличие от синодального суда, проект предусматривал существование нескольких инстанций: духовный судья, духовно-окружной суд, судебное отделение Св. Синода. Духовные судьи и члены окружных судов должны были избираться, за епархиальным архиереем оставалось только право их утверждения, так как даже выборы в окружной суд должны были проходить за пределами епархии для обеспечения независимости судей. Архиерей мог также возбуждать дело, подтвердить или отклонять обвинение, утверждать или не утверждать приговор суда²⁷.

Проект предполагал создание контролирующей инстанции в виде прокуроров духовного суда. Прокуроры духовных судов обязаны были контролировать следствие, непосредственно наблюдать за следственными действиями, возвращать дело, если материалы его не удовлетворяли, а также либо составить обвинительный акт,

---

²⁶ Белякова Н. Проекты реформы церковного суда в конце XIX века // Церковный вестник. – 2004. – №12 (289).

²⁷ «Епархиальному архиерею, как главному начальствующему в епархии духовному лицу, имеющему право и обязанность наблюдать за состоянием веры и исполнением церковных правил, предоставляется право возбуждения судебного преследования о всяком преступлении против веры и о всяком нарушении церковных правил... Епархиальному архиерею, как имеющему, по Слову Божию и по неизменным церковным правилам, духовно-судебную в епархии власть... предоставляется право утверждения или неутверждения судебного приговора, постановленного пресвитерами, так что без сего утверждения приговор... не может иметь силы».

либо закрыть дело. Прокурор должен был действовать в контакте с архиереем, который мог утвердить или не утвердить заключительный акт. Введение должности прокурора духовного суда, которую могли занимать только лица со светским юридическим образованием, говорит о том, что проект комитета должен был упорядочить не только структуру духовного суда, но и поставить духовный суд под контроль светской власти.

После оживленного обсуждения проекта реформы церковного суда против него выступила большая часть духовных консисторий и архиереев. Они не были согласны с изменением церковных правил, считая их незыблемым. Основания для такой позиции были – правила 32-е апостольское, 5-е Первого Вселенского Собора, 7-е Четвертого, 4, 6, 12-е Антиохийского Собора, 117, 121, 132-е Карфагенского Собора. Архиепископ Агафангел Волынский ответил на проект обстоятельным отзывом о незаконности и вреде обер-прокурорской власти. Большая часть возражений была вызвана предполагаемым ограничением судебной власти епископов и передаче бракоразводных дел в светский суд. По-видимому, раздражение духовных лиц вызывало то обстоятельство, что в составе духовных судов должны были находиться светские лица, которые могли бы выносить решения по делам священнослужителей и даже лишать их сана.

Одним из самых распространенных возражений было то, что к духовному суду вообще не могут применяться правовые нормы. Вопрос о введении судебных уставов в деятельность церкви ставил под вопрос существование независимого церковного права и правосознания, церковной юрисдикции и правовых полномочий священнослужителей.

Н.В. Елагин достаточно полно подвел итог претензиям противников реформы церковного суда. По его мнению, основной причиной протестов было отсутствие нормативной базы реформы. Произвол и субъективизм в решении церковных дел были связаны именно с тем, что «не имеем Уложения о церковных наказаниях, не имеем полного и точного устава епархиальных управлений. Две трети консисторских дел решаются у нас теперь, можно сказать, наобум, и это зависит не столько от злокачественности членов <...> сколько от неполноты действующего права и от разбросанности церковных законов по разным источникам и сборникам...». Автор

обращает внимание на то, что Устав духовных консисторий «рекомендует обращаться за указанием к Слову Божию, к церковным канонам, к Духовному регламенту <...> При такой обширной свободе извлекать подходящие к делам законы откуда хочешь, понятное дело, возможен в консисторских решениях всякий произвол... За один и тот же поступок можно наказать и замечанием, и лишением сана, и оба эти решения будут законны»²⁸.

Еще один проект реформы был представлен архиепископом Макарием (Булгаковым). Основу для реформирования церковного суда он видел в истории римских судебных органов. Подобно римскому наместнику, обладавшему во вверенной ему провинции судебной властью, архиерей в своей епархии также должен был ею обладать, но власть эта должна быть делегирована ему представителями церкви, как римскому наместнику – сенатом, также и архиерей имеет право делегировать сою судебную власть исполнителям на местах²⁹.

Проекты реформы, отзывов епархиальных, архиереев и духовных консисторий были проанализированы доктором богословия и государственного права, профессором юридического факультета Петербургского университета М.И. Горчаковым. Он показал в своем анализе, насколько незаинтересованными в каких-либо преобразованиях церковного суда были епархиальные архиереи, поскольку обладание архиереем судебных полномочий гарантировали послушание и зависимое положение подчиненных лиц духовного звания. «Под покровом патриархальных отношений архиерея к духовным чадам Преосвященные рекомендуют самую безграничную и бесконтрольную расправу архиерея с клириками», – писал М.И. Горчаков. По его мнению, основная проблема существования церковного суда в пореформенной России заключалась в том, что «прежнее законодательство сменилось совершенно новыми по началам судебными Уставами 1864 года»³⁰. Церковь в новых условиях не могла претендовать на судебную власть и право уголовного преследования.

---

²⁸ Елагин Н.В. Белое духовенство и его интересы. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. – С. 165.

²⁹ Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения... – С. 204–206.

³⁰ Белякова Е. Церковный суд и проблемы церковной жизни. – М.: Духовная библиотека, 2004.

Многочисленные протесты противников реформы привели к тому, что обсуждения проектов затягивались, а затем были сведены на нет. В правление Александра III вопрос о реформировании церковного суда не ставился. Позиция обер-прокурора К.П. Победоносцева была однозначной: любые изменения в полномочиях и структуре духовного суда приведут к усилению правового нигилизма и кризису нравственности.

Подобная точка зрения господствовала до 1905 года, но в период оживления общественной жизни, роста антиклерикальных настроений были внесены некоторые изменения. Сначала епархиальные архиереи были опрошены о том, какие изменения в церковном суде они считают допустимыми. По сравнению с 70-ми годами XIX в. архиереи признали необходимость реформ церковного суда. Была разработана предварительная схема, которая предусматривала создание новой структуры церковного суда с низшими инстанциями, присутствия в процессе сторон обвинения и защиты. Предложенные изменения должны были лечь в основу проекта реформы, которой должен был заниматься Отдел об организации церковного суда и пересмотре законов по делам брачным вообще и о смешанных браках Предсоборного Присутствия (III отдел). В его состав вошли М.Г. Горчаков, Н.С. Суворов, Н.А. Заозерский, А.А. Киреев, которые получили предложение подготовить проекты по вопросам компетенции церковного суда, судоустройства, судопроизводства, смешанных браков.

Как и в 70-е годы одним из острых вопросов стало отделение суда от администрации. Основная проблема состояла в том, может ли епископ быть главой или членом суда. Н.А. Заозерский считал, что «вопрос об отделении суда от администрации можно считать решенным»³¹, однако Н.С. Суворов отметил, что «в лице архиерея суд не может быть отделен от администрации»³².

В итоге Предсоборное Присутствие утвердило положение о том, что главой церковного суда в соответствии с церковной традицией

---

³¹ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 501.

³² Там же. С. 558.

должен являться епископ, тем самым поддержав позицию сторонников сохранения влияния церковной администрации на церковный суд.

Обсуждаемыми в Предсоборном Присутствии стали вопросы структуры суда, процессуальные вопросы, проблема гласности в церковном суде. В результате были выработаны следующие нормы, характеризующие реформу.

«1. Церковный суд производится особыми церковными установлениями, при соблюдении всей полноты прав и власти епископа.

2. Органами церковного суда служат: благочиннический суд, епархиальный суд, Судебное отделение Святейшего Синода и Общее собрание Святейшего Синода и Судебное его отделение.

3. Епископский суд составляет судебное учреждение, отдельное от епархиального правления и от него независимое. Он состоит из коллегии пресвитеров с председателем во главе.

4. Депутаты допускаются только на предварительное следствие.

5. Члены епархиального суда частично избираются, частично назначаются, и те, и другие утверждаются Святейшим Синодом.

6. Председателем епархиального суда избирается преосвященный из членов суда и утверждается Святейшим Синодом.

7. Все решения епархиального суда представляются епархиальному архиерею на утверждение.

8. Судебное отделение Святейшего Синода решает дела, касающиеся лиц архиерейского сана, а также рассматривает апелляции на решения епархиального суда.

9. Для рассмотрения дел по жалобам на приговоры Судебного отделения Святейшего Синода, постановленные оным в качестве первой инстанции, и для суда над членами Святейшего Синода создается Особое собрание Святейшего Синода.

10. Предание суду производится по решению епархиального архиерея, основанному на данных предварительного следствия.

11. Обвинительный доклад на суде поручается одному из членов суда, не участвующему в составе присутствия по данному делу.

12. Защитниками в церковном суде допускаются только священнослужители»³³.

---

³³ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. 2. – С. 385–386.

Таким образом, мы видим, что проект реформы церковного суда далеко отошел от либеральных предложений 70–80-х годов XIX в. Нельзя говорить о независимости планируемых судебных органов от церковной администрации, если епархиальный архиерей сохраняет право утверждать или не утверждать решения суда, а члены епархиального суда утверждаются Святейшим Синодом. В данном проекте также прямо говорится о том, что только священнослужители могут быть как судьями, так и защитниками в церковном суде, что окончательно отклоняет возможное участие в судебных заседаниях светских людей, что так раздражало массу священнослужителей в проектах Лаврова-Платонова и Толстого.

Утверждение реформы церковного суда планировалось провести в 1906 году, но события первой русской революции помешали этому и заставили отложить созыв Поместного собора до 1916 года.

В начале 1916 года вновь была создана комиссия для разработки проекта реформы. Снова встал вопрос о месте архиерея в судебном процессе. Другим спорным вопросом стало соотношение юрисдикций уголовного и церковного судов, классификация и соотношение преступления и наказания, проблемы организации следствия и положения защиты в процессе. В комиссию вошли сенатор С.Я. Утин, В.В. Радзимовский, В.С. Шафранов, А.П. Пилкин. В результате работы комиссии появились «Устройство церковно-судебных установлений» и «Устав судопроизводства уголовного и дисциплинарного», «Устав о расторжении браков», «Устав по спорам имущественным», Церковно-карательный устав, проект штатов будущих церковно-судебных установлений³⁴.

Реформа церковного суда продвигалась медленно и не была закончена к началу революционных событий 1917 года. В июне 1917 года IV Отделом Предсоборного совета были выработаны общие положения об устройстве церковного суда (44 тезиса), и отредактирован проект Церковно-карательного устава (175 статей)³⁵.

В течение всего лета 1917 года шла работа над Общими положениями об устройстве суда. 28 августа начал работу Поместный Собор, который создал Отдел о церковном суде. Задачей Отдела

---

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 226. Л. 114.

³⁵ Там же.

была разработка Судебника и регламентация взаимоотношений церковного суда и церковной администрации. В результате епископы сохранили за собой церковно-судебную власть, но объем этой власти определен не был³⁶.

Уставом об устройстве церковно-судебных установлений утверждалась независимость церковно-судебной власти от светских органов. Предполагалось, что в состав структуры церковных судов должны были войти благочиннические суды, епархиальные суды, церковно-областные суды, высший церковный суд, также церковно-судебная власть сохранялась за епархиальными архиереями (ст. 1 Устава). Органы церковного суда распространяли свою власть на всех людей, которые считали себя принадлежащими к Русской Православной церкви вне зависимости от места своего проживания (Ст. 2. Устава).

Также был рассмотрен злободневный вопрос об объеме судебных полномочий епископа. К этой проблеме вновь обратился архиепископ Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский). В результате было установлено, что архиерей принимает решения: 1) о предании суду, 2) о приведении приговора в исполнение, 3) о передаче дела в другую инстанцию. Решения церковно-судебных установлений епархии считались утвержденными епископом и вступали в законную силу, если в установленный срок они не были опротестованы или обжалованы.

Голосованием было определено, что председателями суда могут быть епископы, находящиеся на покое, а правящий и викарный епископы – не могут.

В статье 27 было закреплено, что «судом для епископов является собор епископов данной области в числе не менее трех».

Предполагалось сформировать высший церковный суд из 4 епископов, 3 клириков и 3 мирянин, председателем которого был бы епископ, избираемый членами суда³⁷.

Отделом о церковном суде были рассмотрены главы Устава об отчетности по церковно-судебному управлению (гл. 9), о порядке сношения церковно-судебных мест и должностных лиц (гл. 10), о

---

³⁶ ГАРФ. Ф. 3431. Д. 258. Л. 11.

³⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Д. 258. Л. 101.

порядке выборов судей (гл. 11), об увольнении от службы и в отпуск. В частности, говорилось о том, что судьи избираются в благочинническом округе, в епархии и на областном Соборе сроком на три года, могут быть уволены только по суду; утверждались права и преимущества судей (гл. 13), определялся порядок надзора за церковно-судебными установлениями и должностными лицами (гл. 14). Всего было рассмотрено 114 статей.

Была предпринята попытка обеспечить независимость избранных на три года судей благочиннического округа, поскольку их могли уволить только по суду.

Отдел о церковном суде продолжал свою работу в конце 1917 и в 1918 годах, однако после принятия декретов об отделении церкви от государства и о признании уничтоженными всех состоящих в производстве духовных судов дел о расторжении браков началось изъятие бракоразводных дел из духовных консисторий, и данный вопрос перестал быть актуальным для Отдела по церковным делам.

Отделом по церковным делам был также рассмотрен Церковно-карательный устав, которые закреплял четкое определение церковного преступления как «всякого противозаконного деяния, совершенного принадлежащим к Русской Православной Церкви лицом, так и неисполнение им церковных правил, постановлений и законов, воспрещенное, во время его учинения, церковным законом под страхом церковного наказания»³⁸. Предусматривались отдельные наказания для мирян и для клириков. В числе наказаний первым присутствовали анафема, отлучение от церкви, отлучение от причастия, лишение права участвовать в управлении делами церкви, лишение права на занятие церковно-приходских должностей, увольнение от церковно-приходских должностей, обличение, денежное взыскание. Для клириков предполагались анафема, отлучение от церкви, лишение сана, запрещение в священнослужении, клировое послушание, обличение, денежное взыскание.

Еще одним документом, изученным Отделом о церковном суде, бы Устав о церковных наказаниях. В процессе его рассмотрения был поставлен на обсуждение вопрос о соотношении церковных и гражданских судов и их юрисдикции. Дополнительные статьи к

---

³⁸ ГАРФ. Ф. 3431. Д. 258. Л. 102.

Уставу о церковных наказаниях недвусмысленно говорили о приоритете церковного суда:

«Виновный в противлении законной церковной власти и обращении при сем за содействием к власти гражданской подвергается: епископ, пресвитер и диакон – извержению из сана, клирик – исключению из клира, монашествующий, сверх того, – лишению монашества, мирянин – отлучению от Церкви вплоть до раскаяния»;

«Виновный в содействии проведению в жизнь распоряжений гражданской власти, враждебной Церкви, подвергается: епископ, пресвитер и диакон – извержению из сана, клирик – исключению из клира, монашествующий – лишению монашества, мирянин – отлучению от Церкви вплоть до раскаяния».

Отдел о церковном суде подготовил для Поместного собора русской православной церкви доклад, в котором в последний раз был обозначен вопрос о церковном суде. «Не только юридическая наука, но и современное церковное общественное сознание настоятельно требуют отделения суда от администрации», – говорилось в докладе³⁹. В нем также отмечалось, что соединение в одной структуре судебной и административной власти представляет большие неудобства и соблазны, так как одна и та же власть предъявляет требования и осуждает их неисполнение⁴⁰. Доклад закреплял за епископом общий надзор за деятельностью всех церковно-судебных установлений и утверждение решений суда или передачу решения в высшую инстанцию.

Предполагалось, что структура церковного суда будет включать в себя пять инстанций: суд епископа («дела, подведомственные единоличному епископскому суду, разбираются епископом непосредственно и без соблюдения особых формальностей; причем по самому свойству келейного суда налагаемые за проступки епитимьи не должны носить гласного характера»), благочиннические, формировавшиеся из 3 клириков, 2 мирян сроком на 3 года, епархиальные, состоявшие из 5 духовных лиц и 3 мирян сроком на 3 года, церковно-областные, представленные 3 епископами, 4 клириками, 4 мирянами, в случаях по делам епископов – 3 епископами,

---

³⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Д. 258. Л. 102.

⁴⁰ Там же.

и высший церковный суд – кассационная инстанция из 4 епископов, 3 клириков и 3 мирян. В случае суда над епископом состав высшего церковного суда должен быть увеличен в соответствии с церковными канонами до 12 епископов.

Таким образом, идея представительства светских людей в церковных установлениях все-таки была оглашена на Поместном соборе, несмотря на серьезное противостояние духовных лиц. Против проекта реформы церковного суда на Соборе выступил архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), который заявил, что проект «основан не на принципе приближения суда к епископу, а на принципе удаления от него. Епископу в этом проекте оставлено лишь формальное отношение к церковному суду <...> Существо церковного суда уходит полностью от епископа, уходит самое главное – внутренняя, духовная сторона церковного суда»⁴¹.

Архиепископ Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) отметил, что для правящего архиерея невозможно председательствовать в суде в силу его загруженности другими обязанностями. «На Востоке епархии малы. Отношения между епископом и паствою близки, патриархальны. Епископы и паства представляют собою одну семью, в которой епископ – отец, а паства – его дети. При таком положении странно было бы и говорить о разделении суда и администрации в Церкви. Но представьте себе, как можно, не закрывая глаз на современное положение у нас правящего епископа, обремененного при обширности наших епархий массою дел, заставлять митрополита непременно председательствовать в суде, входить во все судебные дела. Митрополит не может взять на себя постоянно председательствовать на суде. И нарушения канонов тут не будет. Где есть правда и разум, там нет нарушения канонов»⁴².

В результате работы Собора в предлагаемый проект реформы церковного суда были внесены несколько поправок, связанных с правом митрополита председательствовать в церковно-областном суде: председательство было закреплено за правящим архиереем, если тот сочтет это возможным. Таким образом, идея отделения администрации от суда оказалась значительно скорректированной.

---

⁴¹ ГАРФ. Ф. 3431. Д. 145. Л. 33.

⁴² ГАРФ. Ф. 3431. Д. 161. Л. 135–135 об.

Однако и в такой редакции совещание епископов не приняло постановление Собора по причине умаления в нем епископской власти.

Возможно, споры продолжались бы еще долгое время, но в силу объективных обстоятельств работа Собора был прервана. Активное наступление большевиков на Церковь, расстрелы членов Собора, угроза арестов, изъятие церковных зданий, в том числе и помещений, где проходил Собор, – все это определило быстрое свертывание его работы. Таким образом, реформа церковного суда не состоялась.

Проекты Устава об устройстве церковно-судебных установлений и Церковно-карательного устава, нерассмотренные Собором, были переданы высшему церковному управлению. Однако, по-видимому, оно не вынесло по ним решения.

Работа над проектом реформы церковного суда, затянувшаяся почти на полстолетия, не получила завершения. Сторонники проекта аргументировали свою позицию не столько церковными канонами, сколько учетом реальной ситуации в российском обществе и Русской православной Церкви. Противники проекта ссылались в первую очередь на церковные каноны, которые говорят только «о святительском суде», и настаивали на исключительных правах епископского суда. Возможно ли было объединение разных позиций по вопросу о церковном суде? Как показывает судьба доклада Отдела о поводах к разводу, Совещание епископов и Отдел были готовы к поиску компромиссного решения. Но нельзя не видеть и стойкости определенной части епископов в неприятии реформы суда, ведущей к ограничению их судебной власти и созданию контроля над их деятельностью.

ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ПРАВА ЦЕРКОВНЫХ СУДОВ В РОССИИ

Можно выделить несколько групп источников права, которыми регулировалась деятельность российских церковных судов.

Первую из них можно охарактеризовать как богословские или общие источники. Это книги Ветхого и Нового Заветов, за исключением не входящих в канон книг Товита, Юдифи, Премудрости Соломона, Иисуса, сына Сирахова, 2-й и 3-й книг Ездры и трех книг Маккавейских. Мы можем видеть, что в указах Святейшего Синода часто содержатся ссылки на Священное Писание, распоряжения и судебные решения по бракоразводным делам, послания к верующим опираются на священные тексты⁴³. Также часто члены Синода ссылались на Деяния Св. апостолов, церковные правила и пр.

Также в эту группу входят византийские памятники права. Исторически русская православная церковь была генетически связана с византийской патриархией. Зависимость эта была вначале настолько сильная, что митрополитами на Руси X–XIV вв., как правило, были присланные из Византии греческие иерархи, либо священнослужители, прошедшие обучение и подготовку в греческих монастырях (например, митрополит Алексей (Бяконтов), местоблюститель великокняжеского престола и воспитатель московского князя Дмитрия Ивановича, будущего Дмитрия Донского). Зависимость эта не могла не выразиться в том, что основные византийские церковно-юридические нормы были заимствованы русской православной церковью и являлись основой для развития русского законодательства, не только церковного, но и гражданского⁴⁴. По мнению А.А. Дорской, греческие Номоканоны вообще «хранят свое жизненное значение на всем протяжении истории русской церкви, как основной, догматический источник для местного церковно-судебного преобразования и жизни церкви вообще»⁴⁵.

---

⁴³ Преосвященный Макарий. Правила догматического богословия. – СПб., 1868. – С. 205–207.

⁴⁴ Гаращенко А.Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2006. – С. 19.

⁴⁵ Дорская А.А. Церковное судоустройство и судопроизводство в дореволюционной России // Научные труды Российской академии юридических наук. – 2005. – Вып. 5. – Т. 1. – С. 64–66.

Следовательно, церковное законодательство на Руси было основано на правовых нормах византийской церкви, и эти нормы не нуждались в утверждении князьями. В свою очередь, «уставы русских князей касались материального содержания церковных учреждений, судебных привилегий духовенства и распределения судебных компетенций между княжескими и церковными учреждениями, в смысле руководства для своих наместников»⁴⁶. Таким образом, церковные законы как таковые считались непререкаемыми, у русских князей не могло быть и мысли издать нечто противоречившее церковному учению (еще византийский император Юстиниан в своих новеллах заявил, что в церковных делах императоры не судьи).

Русские церковные суды знали и использовали тексты византийского Номоканона в нескольких редакциях и переводах. Это были перевод Иоанна Схоластика, Номоканон в XIV титулах, Сербская Кормчая. На основе византийских источников были созданы Рязанская, Софийская или Русская Кормчие, наиболее часто используемой из которых являлась Софийская⁴⁷.

В 40-х годах XVIII в. Святейший Синод предпринял исправление весьма испорченного текста Кормчей книги, но, ввиду того, что эта работа не была закончена, издания Кормчей 1785 и 1804 годов содержали все еще старый текст. В 1836 году работа была продолжена особой синодальной комиссией, которая в 1839 году выпустила в свет «Книгу правил святых апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отец» (2-е издание – 1862 год) с исправленным текстом. В этой книге нет византийских законов, имеющих в Кормчей книге и Номоканоне. Поскольку к этим последним приходилось прибегать в практике церковного управления, потому и после 1839 года многие решения Святейшего Синода и консисторий основывались на Кормчей книге⁴⁸.

---

⁴⁶ Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. – Ч. I. – Варшава, 1931. – С. 143.

⁴⁷ Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М.: Наука, 1976. – С. 14–17.

⁴⁸ Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/439961>

Использовались также особые церковно-юридические сборники, так называемые «Мерила Праведные», служившие руководством при рассмотрении судебных дел в церковном суде⁴⁹. Также применение в русских церковных судах нашли византийский покаянный Номоканон Иоанна Постника, в котором содержались правила наложения епитимий⁵⁰, покаянный Номоканон неизвестного автора, составленный в XI–XII вв. и дополняющий епитимные правила общецерковными.

Уставы о церковных судах князя Владимира Святославича и Ярослава Мудрого содержат многочисленные ссылки на византийский Номоканон («воззрев в греческий Номоканон», «растворившее греческий Номоканон»)⁵¹.

Русские церковные суды использовали также постановления и грамоты константинопольских патриархов, о чем свидетельствуют обращения к их положениям в решениях церковных соборов⁵².

Русское духовенство пользовалось актами вселенского законодательства, церковно-гражданскими постановлениями византийских императоров, таких как «Эклоги» императоров Льва и Константина, Стоглавый собор неоднократно ссылался на акты императора Юстиниана, Исаака и Мануила Комнинов⁵³.

В целом можно сказать, что далеко не все гражданско-правовые постановления византийских патриархов и императоров принимались безоговорочно. В отличие от Священного писания, постановлений вселенских и поместных соборов, они были переработаны, приспособлены к местным условиям и русскому законодательству.

Сама православная церковь также формировала источники права. К ним относились постановления Соборов, канонические правила, канонические послания русских церковных иерархов, несудимые грамоты и поучения архиереев.

---

⁴⁹ Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник истории мировой культуры. – 1957. – №3.

⁵⁰ Заозерский М. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях: грузинской, греческой и славянской. – М., 1902. – С. 16.

⁵¹ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1.

⁵² Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. – С.162.

⁵³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. – М., 1985.

Соборы русской православной церкви могли быть епархиальными, решавшими местные, более узкие вопросы, и митрополичьими, представлявшими всю русскую православную церковь.

К числу митрополичьих соборов относится Владимирский собор 1274 года, собранный митрополитом Кириллом. Кирилл, много сделавший для укрепления православия и православной церкви, а также способствовавший канонизации Александра Невского, написал ряд определений, направленных на восстановление церковной дисциплины и искоренение различных пороков среди духовенства и народа. Эти определения, принятые собором, легли в основы «правила митрополита Кирилла».

В 1401 году митрополитом Киприаном был созван собор для суда над новгородским архиепископом Иоанном и луцким епископом Саввой. В вину им было поставлено исповедование еретических взглядов и порча нравов во вверенных епархиях.

Принятию мер против новгородских еретиков был посвящен и Московский собор 1503–1504 годов, причиной созыва которого стало широкое распространение ереси жидовствующих не только в Новгороде и сопредельных территориях, но и в Москве. Среди сторонников еретиков оказались доверенные дьяки Ивана III Иван и Федор Курицыны и даже члены семьи великого князя (невестка Ивана III Елена Волошанка и внук Дмитрий). Московский собор определил меры, которые надлежало принимать против еретиков, а также вынес решение об отношении к вдовым попам и дьяконам, ведущим «ззорную» жизнь⁵⁴.

Знаменитый Стоглавый собор, созванный в 1551 году Иваном IV, впервые представил обширный и четко классифицированный свод церковного права. Созданный на основе ответов церковных иерархов на поставленные Иваном IV вопросы Стоглав представлял собой обширное и систематизированное законодательство.

Значительная часть Стоглава (17 глав) посвящена вопросам организации церковного суда, его юрисдикции, судопроизводства, взаимоотношениям со светским судом, вопросам церковного имущества. Стоглав отменил несудимые грамоты, сделав, таким образом, все монастыри, лавры и приходы подсудными местным архиереям. Был введен запрет светским судам судить духовных лиц.

---

⁵⁴ Павлов А.С. Курс церковного права. – С. 169.

Вместе с тем церковные суды не только не потеряли судебной юрисдикции над светскими людьми, но и расширили ее. Вопросы устройства церковного суда, порядка рассмотрения в нем дел, делопроизводства церковного суда подробно рассмотрены в статьях «о святительском суде» (гл. 53–69)⁵⁵.

Московский собор 1667 года определил юрисдикцию церковных судов, перечислив все гражданские дела, подведомственные церковному суду в Патриаршем разряде.

Соборы русской православной церкви перестали созываться с началом синодального периода. В начале XX в. в связи с намечавшейся реформой церковного управления и церковной юстиции предполагалось вернуть русской православной церкви право собирать Поместные соборы и принимать на них законодательные акты по вопросам веры, о чем говорят Основные законы от 23 апреля 1906 года. Однако историки церковного права России не были склонны оптимистично оценивать эту новацию. Так, например, П.В. Верховской полагал, что если бы в 1906 году или позже был созван Поместный Собор, то он не смог бы издавать каких-либо законов для Русской Церкви, так как он не имел бы ни законодательных, ни совещательных полномочий.

Вторая группа источников права может быть названа условно церковными уставами, а именно «Устав о церковных судах Св. Владимира» и «Устав о церковных судах Ярослава Владимировича». По поводу авторства и времени написания этих уставов в отечественной науке существует немалая библиография⁵⁶. Скажем лишь, что и Устав Владимира, и Устав Ярослава неоднократно переписывались и дополнялись. Мы согласны с А.С. Павловым в том, что Устав Св. Владимира являлся источником церковно-судебного

---

⁵⁵ Павлов А.С. Курс церковного права. С. 170; Лебедев Н. Стоглавый собор 1551 г. Вып. 1. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1882; Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. – М.: Наука, 1973; Емченко Е.Б. Стоглав. – М.: ИНДРИК, 2000.

⁵⁶ Неволин К.А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого // Полное собрание сочинений: Исследование о различных предметах законоведения. Т. 6. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. – С. 270–312; Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. – Ярославль, 1888. – С. 179; Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 2. – СПб., 1875. – С. 159–160.

права с начала существования христианства на Руси и определял подсудность русской церкви⁵⁷.

Более последовательным и скрупулезным в своих выводах был С.В. Юшков⁵⁸, который, проанализировав редакции Устава Св. Владимира Кормчие книги, греческий Номоканон, пришел к выводу о том, что при Владимире возникла первичная редакция устава, которая на протяжении нескольких сотен лет дополнялась различными изменениями, фиксируемыми церковной практикой и законодательством. Устав Св. Владимира решал экономические вопросы, закрепив пожалование десятины в пользу церкви, выделил круг лиц, подвластных церковному суду, а также определил сферу юрисдикции церковного суда. Одним из важных принципов, закрепленных Уставом, было разделение церковной и светской компетенции.

Устав князя Ярослава представляет развернутый перечень церковных судов, предусматривает наказания за преступления, подведомственные церковному суду. Отметим, что согласно Уставу князя Ярослава юрисдикция церковного суда регулировала преимущественно брачно-семейные отношения и то, что можно назвать преступлениями против веры. Церковный суд должен был служить установлению новых юридических и нравственных понятий.

Следующей группой источников русского церковного права можно считать церковно-уставные грамоты русских князей, среди которых уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1137 года о церковной десятине, устанавливавшая размеры и порядок сбора церковной десятины, уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича 1150 года, которая определяла компетенцию суда епископа, новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, отдающий в ведение служителей церкви Св. Иоанна «суд торговый», т.е. разбор конфликтов между новгородцами на торгу.

Отметим, что в течение XIII–XV вв. установлений, коренным образом менявших установленный церковный правопорядок, не было, жалованные и льготные грамоты, дававшиеся церковным иерархам золотоордынскими ханами и великими князьями, не

---

⁵⁷ Павлов А.С. Курс церковного права. – С. 135–146.

⁵⁸ Юшков С.В. Исследования по истории русского права. Вып. 1. – Саратов, 1925.

ограничивали, а подтверждали и расширяли права духовенства. Хорошо известная веротерпимость монголов продолжала проявляться и в политике ханов Золотой Орды (во всяком случае, до 1312 года⁵⁹) Ханские ярлыки освобождали православное духовенство от податей и повинностей, ограждали неприкосновенность веры, богослужения, законов, судов и имущества церкви, предоставляли церковным иерархам право судить своих людей по всем гражданским и уголовным делам, не исключая разбоя и душегубства. Бывало, что источники первой группы, а именно тексты Номоканона, перерабатывались и являлись источником для возникновения новых грамот русских князей. Так, например, в 1403 году великий князь московский Василий Дмитриевич выписал из «великого старого Номоканона» две уставные церковные грамоты. Первая грамота была подтверждением церковных уставов князей Владимира и Ярослава, а вторая являлась договором между князем и митрополитом об ограничении привилегий митрополита как духовного властителя и вотчинника⁶⁰.

Группу памятников светского законодательства, затрагивающих вопросы церковного суда и взаимоотношений церковной и духовной власти, представляют Судебники 1497 и 1550 годов и Соборное Уложение 1649 года. В Уложении впервые в перечне уголовных преступлений первое место было отведено преступлениям против религии и церкви. Глава «О богохульниках и церковных мятежниках» подробно рассматривает случаи нарушения церковных канонов, возлагая обязанность по защите церкви на государство.

Соотношение церковного и светского суда по Уложению 1649 года определялось с выделением группы дел, которые подлежали специальной компетенции церковного суда. К церковному суду могли прибегать и светские лица, не относящиеся к числу вассалов митрополитов и патриарха, если сам характер дела подлежал компетенции церковного суда.

---

⁵⁹ Вступления на трон Золотой Орды хана Узбека и объявления ислама государственной религией.

⁶⁰ Гарашенко А.Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2006. – С. 30.

Также Уложением устанавливалась ответственность лиц, вершивших правосудие в патриаршем суде наряду с государственными судьями. Уложение также устанавливало возможность обжалования решений патриаршего суда в суд государев.

К числу нормативно-правовых актов, изданных государством, но предназначенных для церкви, относится также «Духовный регламент» 1721 года. В первой его части приводится обоснование создания Святейшего Синода; во второй перечислены лица и дела, подлежащие его компетенции, и определен порядок делопроизводства; в третьей части речь идет о составе Синода, его правах и обязанностях. «Прибавление» от 1722 года содержит правила для клира и монахов. К концу XVIII в. экземпляров «Духовного регламента» оставалось немного, и он стал большой редкостью и был практически недоступен для духовенства.

Однако Святейший Синод находил, очевидно, такое положение весьма выгодным, так как в 1803 году отклонил предложение обер-прокурора о новом издании. Для переиздания потребовался указ императора, в соответствии с которым «Духовный регламент» неоднократно переиздавался в XIX в.

Нормативно-правовые акты, издаваемые государством для управления церковью, можно разделить на императорские указы, адресованные Святейшему Синоду или касавшиеся общегосударственного управления, которое включало и Церковь; Свод законов Российской империи в изданиях 1832, 1857, 1876 и 1906 годов с постановлениями и решениями Государственного совета и разъяснениями Сената, служившими в качестве комментариев. Последние были опубликованы в Полном собрании постановлений и распоряжений. Почти в каждом томе свода законов есть постановления, касающиеся духовенства или церковного управления.

В томе 1 находятся основные законы; в 3 томе – постановления о пенсиях и награждениях по духовному ведомству; том 4 содержит положения о церковном имуществе и городских налогах; том 8 – о лесном хозяйстве; 9 – о сословиях, т. е. тем самым и о духовном сословии, включавшем белое духовенство и монашествующих; том 10 – о брачном праве; том 12 – о строительстве; том 13 – об общественном призрении, епархиальных попечительствах, кладбищах, неимущих и т.д.; том 15 устанавливает наказания за

преступления против веры и Церкви; том 14 регулирует судопроизводство по этим делам и содержит определения по гражданскому праву церковных учреждений.

Преступления против веры, которые по докладным пунктам Св. Синода от 12 апреля 1722 года были оставлены в ведении духовного суда, оказались после издания Свода Законов в 1832 года уголовно наказуемыми деяниями, подлежащими суду светской юстиции. Окончательно это положение было закреплено Уложением о наказаниях 1845 года, в котором около 80 статей посвящено категориям религиозных преступлений.

Перемещение преступлений из юрисдикции церковного суда в юрисдикцию светского суда повлекло за собой их иную правовую оценку, в которой понятие греха было заменено понятием противозаконности. Фактически церковному суду теперь подлежали только те проступки против веры, за которые в уголовных законах определялись церковные наказания.

Существовали также неофициальные руководства, в которых соответствующие материалы были сгруппированы по отдельным темам и вопросам. С середины столетия такие руководства получили широкое распространение как среди духовенства, которое во многих отношениях только благодаря им и получало доступ к текстам законов, так и среди церковных властей, например, в консисториях.

В последней четверти XIX – начале XX в. российское церковное законодательство пополнилось рядом нормативно-правовых актов, в значительной степени изменивших положение старообрядцев и общин сектантов. Среди них высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 19 апреля 1874 года⁶¹ о правилах метрической записи браков, рождений и смерти раскольников, в котором признавались браки, заключенные между раскольниками и внесенные в сказки ревизии, определялся статус детей, родившихся от этих браков, и описывалась процедура признания брака недействительным.

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 3 мая 1883 года о даровании раскольникам некоторых гражданских

---

⁶¹ Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. – СПб.: Государственная типография, 1912. – С. 564–571.

прав⁶² предоставляло раскольникам право получать паспорта для выезда за пределы Российской империи. Кроме того, за старообрядцами признавалось право вести торговлю и заниматься промыслами, что особенно было актуально в условиях нечерноземья. Документ не предоставлял старообрядцам права свободной проповеди, но свобода вероисповедания предполагалась, включая право распоряжаться молитвенными домами с тем непременным условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка. Раскольникам было дозволено исправлять и подновлять принадлежащие им часовни и молитвенные здания, приходящие в ветхость. Разрешалось погребение умерших раскольников, дозволялось творение молитв и приношение икон по принятым у раскольников обрядам.

Наряду с рядом послабляющих актов по отношению к некоторым религиозным сектам были приняты более жесткие нормы. Например, 4 июля 1894 года были утверждены положение Комитета министров и циркуляр министерства внутренних дел №24 о признании штунды особо вредной сектой и о запрещении собраний штунды⁶³. В положении подчеркивалось, что Св. Синод и гражданская администрация признали штунду особо вредной сектой, т.к. ее последователи не признают никаких властей, отвергают все церковные таинства и обряды, выступают против присяги и военной службы, вносят смуту в жизнь местных приходов⁶⁴.

Однако эти же нормативно-правовые акты содержали ряд ограничений, сокращающих и видоизменяющих принципы религиозной свободы. Так, например, православный не мог перейти в другую веру, даже другую христианскую конфессию. Только православная церковь имела привилегию проповеди религиозного учения в Российской империи. Незаконные молитвенные собрания также наказывались.

Законодательные акты, принятые в начале XX в., продолжили курс на смягчение положения раскольников и иноверцев в Российской империи. Высочайший Манифест от 26 февраля 1903 года, фиксируя состояние смуты, посеянной «замыслами, враждебными

---

⁶² Там же. – С. 561–563.

⁶³ Там же. – С. 559–560.

⁶⁴ Там же.

государственному порядку», на первое место среди необходимых мер ставит необходимость соблюдения «властями с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости <...> Подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»⁶⁵.

Более широко свободное вероисповедание и отправление богослужения трактует именной высочайший указ от 12 декабря 1904 года, в котором говорится о необходимости подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а также лиц, принадлежащих к инославным и иноверным вероисповеданиям, и в административном порядке принять меры к устранению их стеснения в религиозной сфере⁶⁶.

В 1905 году высочайший указ правительствующему сенату от 17 апреля был целиком посвящен укреплению веротерпимости⁶⁷. Впервые в нем было установлено, что переход из православия в другое христианское вероучение не подлежит преследованию и не влечет за собой неблагоприятных последствий в отношении личных и гражданских прав. Правом перехода в иную христианскую конфессию обладали и дети, достигшие 14-летнего возраста.

Достаточно большое внимание было уделено раскольникам, которых предписано было именовать старообрядцами. Им было разрешено сооружение и ремонт молитвенных домов, отправление духовных треб. Настоятелям и наставникам старообрядческих толков присваивались те же права, что и другим духовным лицам.

Шагом вперед было и разрешение смешанных браков лиц, принадлежащих к православию и к одному из старообрядческих толков.

Предполагалось дальнейшее развитие религиозного законодательства, т.к. последние статьи манифеста говорят о необходимости пересмотра положения ламаитов, которых было запрещено именовать язычниками и идолопоклонниками, и мусульман.

17 апреля были утверждены разработанные на основе манифеста положения комитета министров, в которых описывались меры по ре-

---

⁶⁵ Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. – С. 398.

⁶⁶ Там же. – С. 403.

⁶⁷ Там же. – С. 405–408.

ализации воли императора. В положениях комитета министров предполагалось даже просить об отмене запрещения штундистам проводить молитвенные собрания.

Еще более либеральным было прошение об отмене запрета на награждения медалями за храбрость нижних чинов из молокан, духоборов и последователей других сект.

Вопросы церковной юстиции достаточно подробно освещались в светских правовых памятниках. К их числу следует отнести Уголовное Уложение 1903 года.

Новое Уголовное Уложение было высочайше утверждено 22 марта 1903 года. Оно закрепляло свободу вероисповедания не только для православных, но и для евреев, мусульман, язычников. Подданные и иностранцы в одинаковой степени должны были пользоваться свободой вероисповедания и богослужения.

Вместе с тем Уголовное Уложение сохранило предписание об охране положения православной церкви. Однако в раздел религиозных посягательств были включены лишь такие деяния, «коими посягается на свободу вероисповедания как отдельных лиц, так и молитвенных собраний, или в которых выражается прямое неуважение к вере и к церкви»⁶⁸. Новое Уголовное Уложение ослабило наказание для лиц, совершивших преступления религиозного характера. Вместе с тем было повышено наказание за кощунство и похищение трупов.

К категории правовых норм, изданных церковью, относится Устав духовных консисторий от 1841 года. Этот Устав был с некоторыми изменениями переиздан в 1883 году и служил правовой основой епархиального управления. Поводом к разработке Устава послужило издание Свода законов 1832 года, в котором действующие указы и синодальные распоряжения были разбросаны без всякой системы, что весьма затрудняло их общий обзор. Дополнения и разъяснения Святейшего Синода, вошедшие в два последних издания 1900 и 1911 годов, касались главным образом бракоразводных дел. Четыре части Устава содержат: 1) общие положения о консисториях и их задачах; 2) полномочия и порядок деятельности епархиального управления; 3) определения о епархиальных судах и их производстве; 4) состав консисторий и их делопроизводство.

---

⁶⁸ Уголовное Уложение и объяснение к нему. Т. IV. – СПб., 1897. – С. 17.

Источником права также являются материалы делопроизводства, в том числе уставы, инструкции и положения по отдельным областям церковного управления: 1) уставы духовных учебных заведений от 1808–1814, 1867–1869, 1884, 1910–1911 годов; 2) инструкция церковным старостам от 1808 года; 3) инструкция настоятелям мужских и женских монастырей от 1828 года; 4) инструкция настоятелям ставропигиальных монастырей от 1903 года; 5) положения о приходских попечительствах при православных церквях от 1864 года; 6) положение о церковных общинах от 1885 года; 7) инструкция настоятелям приходских церквей от 1901 года; наконец, положения об отдельных ведомствах Синода и канцелярии обер-прокурора и т. д. До утверждения Устава духовных консисторий большое значение имела выпущенная в 1776 году «Книга о должностях пресвитеров церковных», служившая руководством и учебником для семинарий. Имя ее автора, Смоленского епископа Парфения Сопковского, указано не было. Будучи учебным пособием, книга содержала в то же время и практические указания по различным вопросам права.

Обычай, в котором выражались народные местные традиции, часто очень древние, также оставался источником права. Так, например, в огромном государстве наблюдались местные особенности в практике богослужения. Местные различия в традиционной плате за требы нередко играли решающую роль в вопросе об обеспечении клира. Обыкновение сохранять должности умерших клириков за их родственниками укоренилось так прочно, что в известном смысле приобрело черты обычного права.

Обычай поставлять в епископы непременно только монашествующих или требование к будущему священнику жениться до своего посвящения в сан (т. е. отрицание целибата для белого духовенства) имеют столь древнее происхождение, что до сих пор лишь очень немногие, будь то духовные лица или миряне, знают о том, что здесь речь идет именно об обычае, а отнюдь не о норме канонического права, хотя в 60-х годах XIX в. эти вопросы были предметом оживленной общественной дискуссии. Почтительное отношение верующих к древним обычаям разделялось иерархией и даже поощрялось Святейшим Синодом.

ГЛАВА 3. СУД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Церковные иерархи, обосновывая необходимость существования церковного суда, ссылались на проповеди «апостола язычников» Павла, который в Послании к Коринфянам неоднократно обращался к особому праву христиан судиться не у светских властей, а у своих епископов⁶⁹.

В эпоху Древнерусского государства и при великих Московских князьях перечень преступлений, подсудных церковным иерархам, был весьма обширен. В него входили как преступления против веры, так и многие проблемы, связанные с брачно-семейными отношениями и наследственным правом.

Основой деятельности церковных судов против раскола и ереси стало законодательство Петра I и его преемников, передавших в их руки преступления против церковных заповедей.

Учреждая Св. Синод, Петр I пересмотрел юрисдикцию церковных судов и многие дела передал из ведомства церкви гражданским судам. Согласно Духовному регламенту рассмотрению церковных судов должны были подлежать дела о богохульстве, о ересях, о расколе, о волшебстве, о недействительности браков, расторжении браков, насильственном пострижении в монашество. Отдельную категорию составляли дела о расколе. В середине XVIII в. к юрисдикции духовного суда присоединились дела о нехождении к исповеди⁷⁰. Юрисдикции светских судов подлежали дела о кровосмешении, о сожительстве помещиков с крепостными, о похищении невесты. Судебная практика также добавила к этой категории дела о неестественных пороках⁷¹.

Церковная реформа Екатерины II также коснулась юрисдикции церковных судов. Например, дела о волшебстве были переданы в

---

⁶⁹ Послание к Коринфянам. 6, 1–8.

⁷⁰ Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности. – Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. – С. 202–203, 355–361; Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. – Казань: Типолиитография императорского университета, 1913. – С. 982.

⁷¹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права...

ведомство совестного суда⁷². Дела о богохульстве и принадлежности к изуверским сектам должны были подлежать светскому уголовному суду⁷³.

К началу XIX в. из ведения церковного суда были исключены дела о прелюбодеянии, изнасиловании, кровосмешении, похищении невесты и принуждении к браку, о незаконнорожденных детях, о вступлении в брак без позволения родителей, о разделе имений и свидетельствовании духовных завещаний. Однако даже в уголовных делах зачастую накладывалось наказание, например, церковное покаяние, зависевшее от суда духовного.

Ограничение компетенции духовного суда в пользу суда светского на практике заменялось совместными действиями. Например, нераскаянные раскольники из ведомства духовного суда передавались светскому суду для наказания за упорство в нарушении светских постановлений. За нехождение к исповеди виновные также отсылались в распоряжение светского начальства. В такой совместной деятельности светского и духовного судов мы видим неравноправное положение двух судебных ведомств, а постепенное подчинение духовного суда суду светскому.

Юрисдикции духовного суда в обязательном порядке подлежали люди духовного звания, совершившие проступки и преступления против должности, благочиния и достойного поведения, взаимные споры, возникавшие из пользования недвижимой и движимой церковной собственностью. Жалобы духовных лиц друг на друга в нарушении обязательств и неуплате долгов также подлежали ведению церковного суда⁷⁴. Согласно духу общеевропейского законодательства эпохи Просвещения лица духовного звания подлежали светскому суду по тяжбам со светскими лицами и в случае нарушения государственных постановлений, например, в случае укрывательства беглых, порубке лесов, содержании корчм, неисполении таможенных и карантинных постановлений⁷⁵.

Можно выделить несколько разрядов преступлений, подлежащих церковному суду.

---

⁷² Записки по церковному законоведению. – Киев: Типография университета, 1861. – С. 210.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Установление духовной консистории 158.

⁷⁵ Записки по церковному законодательству. – С. 212.

Прежде всего, это ереси. Однако, так же, как и в Западной Европе, ересь считалась государственным преступлением. Так, например, в связи с преследованием новгородской ереси жидовствующих, летопись говорит, что «князь великий Иван Васильевич и сын его князь великий Василий Иванович с отцом своим Симоном митрополитом, и с епископы, и со всем собором обыскаша еретиков и иным повелеша лихих смертною казнию казнити, иных сожгоша в клетке... иным повелеша язык урезати ...а иных в заточенье послаша, а иных по монастырем»⁷⁶, описывая, таким образом, наказание, исполняемое светскими властями и наложенное светским судом в соответствии с требованиями церкви.

По российским законам ересь была преступлением не только против церковных установлений, но и против государственных законов. Российский монарх в соответствии с теократической концепцией «Москва – третий Рим» был ответственен за судьбы православия. Уже в XV в. сложилась концепция о необходимости подвергать преступников против веры светскому суду и, соответственно, наказаниям. Эта теория впервые была сформулирована Иосифом Волоцким, который говорил, что «грешника или еретика убить молитвою или руками едино есть»⁷⁷. Развитие ее связано с постановлением московского собора 1667 года, постановившего наказывать еретиков и раскольников «церковным и градским наказанием»⁷⁸.

Подобные взгляды господствовали до XVIII в., хотя и в 1723 году в св. Синоде рассматривался доклад о мерах, принимаемых против раскольников и еретиков. Основной мыслью доклада было то, что совершенно законно можно передавать таких преступников светскому суду. В 1741 году дело с докладом было сдано в архив без каких-либо последствий⁷⁹.

К разряду преступлений, подвластных церковному суду, принадлежало также волшебство, которое делилось на ведовство,

---

⁷⁶ Софийская I летопись под 7013. Полное собрание русских летописей. Т. VI. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853.

⁷⁷ Суворов Н. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. – СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1876. – С. 116.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 117.

т.е. собственно волшебство, основанное на знании таинственных сил природы, зелейничество, т.е. приготовление чудодейственных средств из трав и корней для причинения вреда людям, потвори, под которым понимались одурманивание и отравление людей⁸⁰, чародеяние – приготовление приворотных, т.е. вызывающих любовь, средств и пользование ими⁸¹. Вообще, вопрос о волшебстве был одним из самых обсуждаемых в допетровскую эпоху. В грамотах и посланиях епископов постоянно упоминалось о необходимости борьбы с волшебством. Не остался в стороне и Стоглавый собор, постановивший налагать церковное отлучение за увлечение астрологией, популярной в XVI в. как среди правителей, так и простых людей, и гадания⁸². С этими преступлениями должна была бороться как одна церковь (жжение в Великий четверг соломы, кликанье мертвых, хранение соли под церковным престолом⁸³ с Великого четверга в течение семи недель), так и совместно церковь и государство (гадания на воде в ночь на Ивана Купалу, игрища в сочельник перед Рождеством, Крещением)⁸⁴.

В XVII в. митрополит Киприан отнес к суду епископа волхвов, кудесников, чародеев и вообще всех людей, кто волховал, гадал и выполнял языческие обряды перед Рождеством, Крещением, Великим четвергом, Ивановым днем. Волшебство и чародейство считались общественно опасными деяниями, о непримиримой борьбе с ними писал даже такой просвещенный мыслитель как Жан Боден⁸⁵.

Следующей категорией дел, подвластных церковному суду, было святотатство. К нему относилось как хищение церковного имущества, так и надругательство над телами умерших. Судебники 1497 и 1550 годов, а также Уставная книга Разбойного приказа ставят святотатство в один ряд с разбоями, поджогами, убийствами и

---

⁸⁰ Неволин К.А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. – С. 350–352; Голубинский Е. История Русской церкви. – М., 1906. – С. 278.

⁸¹ Там же.

⁸² Стоглав. Гл. 41, 93.

⁸³ Стоглав. Гл. 41. Вопр. 26.

⁸⁴ Стоглав. Гл. 41. Вопр. 17, 22.

⁸⁵ Боден Ж. Демонология.

другими тяжкими преступлениями⁸⁶. В дальнейшем дела о святотатстве находились в совместном ведении светской и духовной власти. Состав святотатства как преступного деяния был закреплен Соборным уложением 1649 года и соборными постановлениями 1666 и 1669 годов, которыми в состав данного преступления включалось похищение священных предметов из церкви, совершенное как ночью, так и днем, но исключалось похищение имущества частных лиц, оставленного в церкви на хранение⁸⁷.

Особым видом преступлений против веры можно считать богохульство. Впервые богохульство упоминается в «Соборном уложении» 1649 года. Преступление могло быть совершено в отношении священных догматов, церковных сосудов, предметов почитания, поклонения и верования. Богохульство подразумевало не только словесное поношение, оскорбление, но и кощунство, а также различные действия, выказывающие неуважение к предмету почитания. Объектом преступления в данном случае выступали Единосущная Божественная Троица, Пречистая Дева Мария, Честный крест, бесплотные силы Небесные, Святые Угодники Божии, их изображения, Св. Писание, Св. Таинства и вообще религиозные догматы и обряды. Богохульство считалось преступлением даже если было совершено неумышленно, без намерения оскорбить святую, в том случае, если виновник не принадлежал к православной конфессии, не знал и не мог знать о преступности содеянного.

Субъектом данного преступления являлся любой человек, независимо от вероисповедания. Преступное деяние состояло в «похулении» предметов христианского почитания, поклонения и верования. Причем под «похулением» понималась не только словесная форма богохуления, но и иные деяния, выражавшие собой неуважение к тому или иному предмету почитания.

Отношение к богохульству менялось с течением времени. Если законодательство Древней Руси и допетровской эпохи расценивало богохульство как особо тяжкое и социально опасное деяние, наказанием за которое могла быть только квалифицированная смертная

---

⁸⁶ Судебник 1497 г. Ст. 9; Судебник 1550 г. Ст. 61.

⁸⁷ Белогриц-Котляревский Л.С. Особые виды воровства – кражи по русскому праву: Унив. тип. (И.И. Завадского). – Киев, 1882. – С. 63–64; Есипов В.В. О святотатстве по русскому законодательству // Варшавские университетские известия. – 1893. – Кн. VIII. – С. 37.

казнь, то «Артикул Воинский» содержит некоторое смягчение жесткой правовой нормы, указывая, что богохульство может быть ненамеренным, если «слова... токмо из легкомыслия произошли»⁸⁸. Еще более смягчено было отношение к богохульству во второй половине XVIII в., когда из перечня наказаний за богохульство была исключена смертная казнь.

В Своде законов Российской империи 1832 года богохульство было представлено 1-ой главе 2-го разд. 1-й кн. XV т., чем опять-таки подчеркивается особое отношение к этому преступлению. Значительное место было уделено богохульству в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года Второй раздел Уложения, названный «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений», имеет в своем составе главу «О богохулении и порицании верь». Богохульство, произнесенное в церкви, каралось лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы в рудниках сроком от 12 до 15 лет, а также наказанием плетьюми и наложением клейма, если виновный не принадлежал к сословиям, освобожденным от телесных наказаний. Богохульство, произнесенное не в церкви, но в публичном месте, наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет, а также наказанием плетьюми и наложением клейма. За совершение богохульства не в публичном месте, но при свидетелях и с намерением поколебать их веру, виновный наказывался лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а также плетьюми⁸⁹. Преступлением считалось также недонесение о подобных преступлениях, которое каралось тюремным заключением на срок от 6 месяцев до 1 года либо арестом от 3 недель до 3 месяцев.

Если человек совершал богохульство неумышленно, в пьяном виде или по неразумию, то он подвергался заключению в смиренном доме на разные сроки, но не более 2 лет, а также в отношении него могло применяться лишение прав и преимуществ.

---

⁸⁸ Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 329.

⁸⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 213.

Церковные власти призывали к покаянию тех православных христиан, которые впали в грех богохульства. Предполагалось, что оценка деяния и его квалификация как богохульства, а также выбор наказания должны находиться в согласии с ее каноническими и нравственными нормами, присущими православной церкви. Одной из мер наказания являлось отлучение от церковного общения, утвержденное священным Синодом.

Мы видим, что богохульство, согласно законодательству Российской империи XIX – начала XX в., каралось как светским, так и духовным судом, причем большая роль принадлежала светским властям.

Особый вид богохульства, выделенный во второй половине XIX в., связан с поношением святых и порицанием веры и Церкви в печатных или письменных сочинениях, предназначенных для распространения. Наказанием за данное преступление было лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а также наказание плетьюми. Причем наказанию должны были подвергаться как авторы, так и книготорговцы. Наказания за богохульство были смягчены Уголовным уложением 1885 года.

Весьма близким по составу преступлением можно считать поругание православной веры. Поруганием считались действия, умаляющие или уничтожающие особое, спасающее значение чтимых предметов, например, заклад креста в кабаке на пропой⁹⁰. К этой же группе преступлений относится и неблагоговейное обращение с церковными местами. Подразумевались порубка крестов, поставленных на улицах, перекрестках дорог, на кладбищах, повреждение церковных стен и введение скота, домашних животных и птиц в храм.

Тяжким преступлением против веры считалось совращение, упоминание о котором было впервые сделано также в Соборном Уложении⁹¹. Текст статьи в «Соборном Уложении» и последовавшем позже добавлении в Новоуказных статьях указывает на совращение в ислам или иудаизм («аще будет кого бусурман... по своей

---

⁹⁰ Гаращенко А.Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2006. – С. 42–43.

⁹¹ Соборное Уложение. Гл. XXII. Ст. 24.

бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить – сжечь огнем безо всякого милосердия. А кого он русскаго человека обусурманит, и того русскаго человека отослать к Патриарху, или к иной власти, и велети ему учинити указ по правилам Апостол и Святых Отец»⁹²), но, как отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов⁹³, впоследствии практика распространила действие данной нормы права как на язычников, так и на христиан из неправославных конфессий и сектантов.

Отметим, что данный состав преступления имел односторонний характер. Преступником считался только совратитель, так как свободный выбор и свободная перемена веры считались невозможными.

Судебные уставы 1864 года многое изменили в сфере юрисдикции духовного суда. Подсудность светских лиц духовному суду определялась ч. 2 ст. 148 и ст. 206–220 Устава Духовных Консисторий, а также ст. 723 и 724 Закона о Преступлениях ист. 1012–1015 Устава Уголовного Судопроизводства. На основании этих статей миряне подлежали ведению духовного суда в следующих случаях:

– при преступлениях против веры, за которые по уголовным законам полагалось лишь церковное покаяние. Эти дела подлежали рассмотрению исключительно духовному суду, который, как пояснил Правительствующий Сенат, постановляя определение о церковном покаянии, в то же время, на основании п. 3 ст. 776 Устава Уголовного Судопроизводства, делает постановление и о судебных издержках;

– при преступлениях против веры, за которые в уголовных законах назначалось наказание сверх церковного покаяния. Эти дела разрешались светским уголовным судом, но приговор сообщался духовному начальству для предания осужденного церковному наказанию. К таким преступлениям относились отступление от веры и от постановлений церкви, причем предварительное следствие по такого рода правонарушениям начиналось не иначе, как по требованию духовного начальства.

---

⁹² Там же.

⁹³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1888. – С. 287–288.

Решение, принятое в этом случае судом по делу, возбужденному без формального требования епархиальной власти, подлежало отмене. По окончании следствия сведения о проступках, заключающих в себе признаки отступления от веры, сообщались консистории для разрешения вопроса о том, следует ли возбуждать уголовное преследование, а до вынесения этого решения светская власть ограничивалась лишь принятием мер по предупреждению и пресечению преступлений (содержание под стражей и т. д.)⁹⁴. Но предварительное следствие по делам о распространении скопческой ереси, о совратительстве в ереси, в которых присутствует фанатическое изуверство, могло начинаться и без требования духовных властей. Таким образом, в делах против веры допускалась смешанная или частичная подсудность и светских и церковных органов, с преобладанием компетенции последних; дела о браках, совершенных по обману, согласно точному смыслу ст. 1012 Устава Уголовного Судопроизводства, начинались и разрешались в том объеме, где они касались обмана, в уголовном суде гражданского ведомства, а затем уже для постановления решения собственно о действительности или недействительности брака, а также об участии в его заключении духовных лиц передавались в церковный суд. Дела о многобрачии и кровосмешении обвиняемых могли передаваться уголовному суду только тогда, когда духовный суд предоставлял точные сведения о существовании уже заключенного брака.

Несоблюдение этих правил могло повлечь отмену всего производства по делу, начиная с определения о предании суду, хотя в судебной практике того времени признавалось соблюдение этих положений несущественным, если существовала неоднократность преступлений, совершенных одним лицом. Так, Сенат по делу Юдина, обвиняемого в кровосмешении со своей падчерицей и в покушении на ее насильственное растление, не считал необходимым отменять решение суда из-за несоблюдения правил о подсудности⁹⁵;

– за незаконное сожителство неженатого с незамужней (гражданский брак), сопровождавшееся рождением ребенка. По Указу

---

⁹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. XIV. – С. 244.

⁹⁵ Вруцевич М. Руководство для консисторий, духовных следователей и духовенства. – СПб., 1909. – С. 24.

Священного Синода от 21 февраля 1881 года №50 эта категория дел была подведомственна консисториям;

– по бракоразводным делам светские лица подлежали исключительно духовному суду⁹⁶.

Мы видим, что во второй половине XIX в. произошли изменения в компетенции духовного суда. Она была еще более сокращена в пользу увеличения компетенции светских судов, из ведения духовного суда были изъяты дела о таких преступлениях против веры как богохульство, святотатство. Появилась категория дел смешанной подсудности, особенно в случаях совершения преступления в области семейного права. В целом, мы можем отметить тенденцию увеличения государственного регулирования духовных судов Российской империи и, одновременно, смягчения, либерализации деятельности самих духовных судов. Характерна эта практика и в области наказаний.

Наказания, налагавшиеся церковным судом, первоначально были весьма многочисленны и разнообразны. Традиционно их разделяют на наказания общие и особенные.

К числу общих наказаний относились денежные взыскания, телесные наказания, церковное покаяние, в том числе и монастырское подначальство, отлучение и анафема.

Денежные взыскания или штрафы, налагаемые на людей, совершивших проступки, зафиксированы в первых уставах, регулировавших деятельность православной церкви в русских землях⁹⁷. Под денежным взысканием, вне зависимости от названия (штраф, пеня, оброк, продажа, урок и другие), в церковном праве понималось перечисление определенной суммы денежных или иных материальных средств в пользу взыскателя. Первое упоминание о денежном взыскании как о церковном наказании содержится в Церковном Уставе Ярослава Владимировича. Можно заметить, что денежное взыскание применялось церковным судом практически во всех случаях, предусмотренных уставом, за исключением следующей ста-

---

⁹⁶ Харланов В.Л. Компетенция церковных судов Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – №1. – С. 120–128.

⁹⁷ Церковный устав Ярослава Мудрого. Российское законодательство. Т. I.

ть: «аще кто съ отлученнымъ ясть и пїеть, самъ отлучень будеть»⁹⁸. Во многих случаях разрешалось заменять иные церковным наказанием именно денежным взысканием. Хотелось бы отметить тот факт, что первоначально большая часть взысканной суммы за церковное правонарушение отходила князю, в последствии это правило было изменено, и церковь являлась единственным получателем доходов от церковных наказаний.

Преобразования, произведенные в ходе реформ Петра I, коснулись и денежных взысканий. Единственным правонарушением, за которое было предусмотрено взыскание штрафа, являлось «раскольничество», под которым понималось уклонение от исповеди и причастия. Взимание денежных штрафов продолжалось до 1801 года, когда по просьбе Священного Синода императором был издан указ о замене денежных наказаний за совершение правонарушений в церковной области мирянами иными наказаниями.

Штрафы налагались также мирским приговором крестьянской общины за нарушение нравственных правил, к которым относилось торговля табаком, спиртными напитками, содержание игорных и публичных заведений⁹⁹. Сбор денежных взысканий изначально был предоставлен православной церкви как средство ее материального обеспечения. Денежные взыскания как вид наказания устояли и в то время, когда исчезла система вир, установленных Русской правдой. Денежные пени в пользу церковного суда сохранились в эпоху монгольского нашествия и собирания русских земель, создания Русского централизованного государства и установления абсолютизма. Вместе с тем отметим, что уже в XVII в. в статьях Соборного Уложения 1649 года запрещается архиерейским десятильникам «продажи чинить»¹⁰⁰.

С социальным развитием общества происходит постепенное уменьшение круга правонарушений мирян, за которое предусматривалось такое церковное наказание. Некоторые правовые акты второй половины XVII в. содержат единственный состав правонарушения мирян – супружеская измена, за которую наказывали денежным штрафом, однако к началу XVIII в. это правонарушение

---

⁹⁸ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. – М.: Унив.тип., 1869. – С. 158.

⁹⁹ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 125.

¹⁰⁰ Там же. – С. 136.

совсем исключается из юрисдикции церкви. Юридические акты, приведенные Н. Суворовым, свидетельствуют, что к XVIII в. денежные взыскания или штрафы налагались церковными судами только за рождение незаконнорожденного ребенка¹⁰¹ и уклонение от исповеди и причастия, что давало основание подозревать уклонение в раскол¹⁰². Раскольники обязаны были платить двойную подушную подать. Поэтому и уклоняющиеся от исповеди были обязаны платить штрафы. Священникам было вменено в обязанность наблюдать за поведением прихожан, иметь книги для записи исповедовавшихся и неисповедовавшихся и посылать их по епархиям в духовную коллегию. Сбор штрафных денег был передан в ведение духовной коллегии. Именно тогда стали появляться ведомости о небывших на исповеди, в соответствии с которыми составлялись ведомости для взыскания штрафов. Штрафы за нехождение к исповеди были достаточно большими и составляли для горожан рубль за первую провинность, два и три рубля за последующие, для сельского населения соответственно десять денег, гривна и пять алтын¹⁰³. Штрафы собирались духовными лицами, а органам светской власти было предписано чинить «всякое вспоможение со всеусердным радением»¹⁰⁴.

К началу XIX в. положение старообрядцев несколько улучшилось. Им было разрешено иметь церкви и священников, денежные штрафы за нехождение к исповеди для них были заменены духовными епитимьями¹⁰⁵. Однако для православных, уклоняющихся от исповеди и причастия, продолжали действовать прежние положения. Сложившаяся в данном случае ситуация ставила в невыгодное положение лиц, принадлежащих к русской православной церкви и пренебрегающих своим духовным долгом, что достаточно часто подталкивало людей к объявлению себя старообрядцами. Переход из ортодоксального православия в старообрядчество по соображениям материальной выгоды косвенно свидетельствует о нестабильном положении общества именно в вопросах религиозных. После

---

¹⁰¹ Там же. – С. 138.

¹⁰² Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 138–139.

¹⁰³ Полное собрание законов Российской империи. – №3169.

¹⁰⁴ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 140.

¹⁰⁵ Там же. – С. 141.

того, как данная проблема была отмечена и обсуждена членами святейшего Синода, 208 статья Уложения о наказаниях отменила взыскание штрафов и заменила их публичной церковной епитимьей. Денежные штрафы более не возобновлялись в отношении к мирянам.

Телесные наказания были заимствованы русской православной церковью из практики византийского церковного суда. Светскими наказаниями, которые активно использовала церковь в своей практике, являются телесные наказания. Вплоть до XVII в. среди телесных наказаний особо выделяются членовредительские наказания. Н.С. Суворов в качестве примера применения членовредительских наказаний приводит выдержки из полного собрания русских летописей: «Холоп новгородскаго епископа Луки Жидяты Дудька был подвергнут за лжесвидетельство против господина урезанію носа и отсеченію рукъ»¹⁰⁶. Применялись также и более мягкие телесные наказания. Так, Инструкция патриарха Андриана предписывает поповским старостам и иным священнослужителям в случае обнаружения беременной незамужней девушки «спрашивать дѣвку, съ кѣмъ ребенка прижила, и виновного бить шелепами нещадно»¹⁰⁷.

Реформы Петра I запретили духовным лицам использовать телесные наказания в отношении мирян. Одной из причин такого запрещения послужили многочисленные жалобы на представителей духовенства в Сенат: «сведения о непреличныхъ поступкахъ тобольской духовной консисторіи и попа Нагибина, который чинилъ всякое раззореніе и сметеніе мѣстнымъ жителямъ. Вслѣдствіе этого, сенатъ напомнил синоду о воздержаніи духовныхъ лицъ отъ неприличныхъ сану ихъ поступковъ и и объ употребленіи имъ меча духовнаго, а не гражданскаго»¹⁰⁸.

Некоторые исследователи, например, Н.С. Суворов, отрицает возможность применения телесных наказаний к мирянам до XVII в.¹⁰⁹ Однако многочисленные упоминания о «предании на

---

¹⁰⁶ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 142.

¹⁰⁷ Историко-статистические сведения по с.-петербургской епархии. Опись сведения документов синодального архива. – №499. – С. 124.

¹⁰⁸ Полное собрание законов Российской империи. – №11277; Любопытные рассуждения Татищева В.Н. о характере и пределах иерархической власти: История России. – М., 1768. – С. 564.

¹⁰⁹ Там же. – С. 144.

казнь князю» лиц, занимающихся волхованием¹¹⁰, говорят о том, что подобная практика существовала намного раньше XVII в.

Телесные наказания вошли широко в церковную практику с принятием Соборного Уложения 1649 года как налагаемые по суду за преступления мирян против церковных заповедей. Н.С. Суворов связывает применение телесных наказаний к мирянам за религиозные проступки с юридическим оформлением крепостного права и тем обстоятельством, что православная церковь владела многочисленными землями, населенными крепостными крестьянами. Из сферы отношений с крепостными крестьянами телесные наказания перешли в сферу деятельности церковных судов по чисто духовным делам¹¹¹.

Однако, нам кажется, что применение телесных наказаний к мирянам за религиозные проступки и правонарушения проникло в практику церковных судов ранее середины XVII в., т. к. иначе не было бы широкого распространения предписаний митрополитов о «наказании без пощады», «жестоком наказании», наказании «овых кнуты, овых же палицами без милости бити»¹¹². Вообще предписание выполнять приговор особенно сурово часто встречается именно в документах церковных судов: «учинить нещадное плетью наказание, чтобы на то смотря и другим чинить таких предерзостей было неповадно»¹¹³.

Отметим также, что духовные суды достаточно часто заменяли телесным наказанием другие виды наказания, исполнение которых потребовало бы большего времени, например, епитимью, о чем говорят резолюции: «вместо убавки духовной епитимьи, на страх другим, наказать солдатку при собрании других того же полку солдатских жен плетью»¹¹⁴.

---

¹¹⁰ Павлов А.С. Отрывки греческого текста канонических ответов русского митрополита Иоанна II. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876.

¹¹¹ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 145.

¹¹² Продолжение древней Российской Вивлиофики. III. – С. 407.

¹¹³ Розанов В.В. История Московского епархиального управления. Ч. 1. – М., 1869. – С. 81.

¹¹⁴ Чтения в московском обществе любителей духовного просвещения. – 1870. – Кн. IX. – С. 154, 156.

В исполнении других наказаний, имевших характер очистительных, также присутствовал элемент причинения физического страдания. Например, «поклоны», предписывавшиеся при выполнении духовной епитимьи, часто назначались в количестве более ста, что не могло не быть тяжелым или даже мучительным наказанием.

Либерализация российского общества, имевшая место во второй половине XIX в., привела к тому, что физические, телесные наказания стали считаться чуждыми православной церкви. Формально телесные наказания не были отменены, но к началу XX в. они стали применяться намного реже.

Открытое церковное покаяние предписывалось церковными Уставами древнерусских князей как одна из форм наказания. Оно представляло собой либо публичную епитимью, либо монастырское подначальство.

В допетровскую эпоху церковное покаяние назначалось, как правило, за незаконные браки или внебрачные половые связи и заключалось в лишении причастия и невозможности посещать церковь определенное время. Церковная реформа Петра I придала церковному покаянию характер уголовно-карательной меры. Преступники после окончания разбирательства дела в светском суде направлялись в распоряжение Синода для очищения совести публичным покаянием. Процедура публичного покаяния состояла в публичном оглашении постановления светского суда в присутствии преступника и, как правило, большого скопления народа (проводилось в праздничные и выходные дни в церкви). После этой процедуры раскаявшийся преступник отправлялся для прохождения основного светского наказания. Последующее законодательство прямо устанавливало виды правонарушений, за совершение которых не следовало уголовного наказания, и преступники прямо направлялись в церковные суды: 1) уклонение от исполнения уставов церкви со стороны новообращенных и приверженность их к каким-либо иноверческим обычаям, 2) уклонение от исповеди и причастия, 3) не предоставление детей, достигших определенного возраста, церкви для исповеди, 4) неправильное лечение, повлекшее смерть или тяжкий вред здоровью, 5) супружеская измена, 6) оставление в опасности, 7) случайное причинение смерти или доведение

до самоубийства ¹¹⁵. Также церковное покаяние могло быть дополнительным наказанием по многим другим преступлениям.

Церковное покаяние в Российской империи могло фигурировать в качестве самостоятельного или дополнительного наказания. К первой категории относились уклонение от исполнения уставов церкви со стороны новообращенных и приверженность их к иноверческим обычаям ¹¹⁶, уклонение от исповеди и причастия по нерадению ¹¹⁷, пренебрежение родителями духовного воспитания своих детей и неприведение их к исповеди ¹¹⁸, врачебная ошибка, приведшая к смерти или нанесению серьезного вреда здоровью пациента ¹¹⁹, внебрачное сожителство неженатого мужчины и незамужней женщины, не сопровождавшееся рождением ребенка ¹²⁰, оставление нуждающегося без помощи ¹²¹, причинение смерти по неосторожности ¹²², покушение на самоубийство ¹²³.

Ко второй категории относились случаи причинения смерти по неосторожности, связанные с приготовлением для продажи съестных припасов или напитков, вредных для здоровья, и выделка посуды из вредных для здоровья материалов ¹²⁴, нарушением правил хранения и продажи ядовитых веществ ¹²⁵, неумышленное производство повивальной бабкой выкидыша ¹²⁶. К этой категории дел относились также раздача мнимоволшебных напитков и других составов как имеющих сверхъестественные свойства ¹²⁷, нанесение

---

¹¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1886.

¹¹⁶ Уложение о наказаниях. – Ст. 207.

¹¹⁷ Там же. Ст. 208.

¹¹⁸ Там же. Ст. 209.

¹¹⁹ Там же. Ст. 870.

¹²⁰ Там же. Ст. 994.

¹²¹ Там же. Ст. 1228, 1521.

¹²² Там же. Ст. 1470.

¹²³ Там же. Ст. 1473.

¹²⁴ Там же. Ст. 1466, 1468.

¹²⁵ Уложение о наказаниях. Ст. 865.

¹²⁶ Там же. Ст. 866–869.

¹²⁷ Там же. Ст. 933.

побоев и другие насильственные действия¹²⁸, неумышленное убийство в драке¹²⁹. Также церковное покаяние могло назначаться за прерывание богослужения побоями¹³⁰, мужеложество и скотоложство¹³¹, вступление в новый брак при существовании прежнего¹³², вступление в брак в недозволенной степени родства¹³³, вступление в четвертый брак или вступление в брак с необращенными нехристианами¹³⁴, похищение замужней женщины¹³⁵, побои и истязания, нанесенные мужем жене или женой мужу¹³⁶, принуждение родителями детей к браку или вступлению в монашество¹³⁷.

Церковное покаяние полагалось за прелюбодеяние¹³⁸ и кровосмешение¹³⁹. Отметим, что большая часть выше перечисленных преступлений относится к преступлениям уголовным, упоминаемых в Уложении о наказаниях, однако наказание за них определяется духовным судом и контролируется духовной властью. Многочисленность составов преступлений, которые наказываются церковным покаянием, говорит о том, что церковная юстиция сохраняла за собой значительное влияние, несмотря на то, что государственные органы стремились сократить сферу юрисдикции церковного суда.

Публичная епитимья первоначально представляла собой временный запрет на присутствие на церковной службе, причастие и принесение даров¹⁴⁰. Более подробно об епитимье говорит «Артикул воинский» Петра I. Публичное покаяние приносилось, как правило, перед литургией, при собрании большого количества народа, для чего о покаянии объявлялось заблаговременно. Преступник

---

¹²⁸ Там же. Ст. 1139.

¹²⁹ Там же. Ст. 1464.

¹³⁰ Там же. Ст. 211.

¹³¹ Там же. Ст. 995, 997.

¹³² Там же. Ст. 1554.

¹³³ Там же. Ст. 1559.

¹³⁴ Там же. Ст. 1564.

¹³⁵ Там же. Ст. 1582.

¹³⁶ Там же. Ст. 1583.

¹³⁷ Там же. Ст. 1586.

¹³⁸ Там же. Ст. 1585.

¹³⁹ Там же. Ст. 1593–1594.

¹⁴⁰ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 179.

стоял в церкви среди народа, окруженный стражей. Дьякон читал постановление суда, в котором излагалась не только вина кающегося, но и наставление присутствующим: «слышав оное его покаяние, от таких и подобных ему причин остерегаться, а о нем кающемся, дабы сподобился он от Господа Бога приятии прощение, помолителя»¹⁴¹. Приносивший покаяние также каялся по установленной формуле, осуждая свой грех и прося помолиться за него. После принесения покаяния совершалась литургия. Отметим, что в данном случае покаяние понималось не как запрещение присутствовать на службе, а как акт публичного испрошения прощения у Бога и христиан.

В дальнейшем епитимья могла сочетать в себе обряд публичного покаяния и запрещение христианских таинств для виновного. Зачастую светские суды брали на себя несвойственные им функции и, не отсылая преступников к церковному суду для назначения епитимьи, прямо отправляли их в монастырь. Синод неоднократно вмешивался в решения светских судов, указывая на некомпетентность светских властей относительно сущности покаяния и места его прохождения¹⁴².

Монастырское подначальство как один из вариантов церковного покаяния представляло собой заключение в монастырь без определения срока. Упоминание о монастырском подначальстве или «заключении в дом церковный» упоминается еще в церковном уставе Ярослава Мудрого применительно к женщинам, имевшим незаконнорожденного ребенка, вышедшим замуж второй раз при жизни первого мужа и пр. Монастырскому подначальству подлежали духовные лица¹⁴³, нарушившие церковные и светские законы. После церковной реформы Никона и возникновения раскола в монастырь в виде пожизненного заточения заключали раскольников и еретиков. Одним из наиболее часто называвшихся мест заключения был суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь¹⁴⁴.

---

¹⁴¹ Артикул воинский. Ст. 171.

¹⁴² Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 190.

¹⁴³ Преподобный Макарий. История русской церкви. III. – С. 201, 270.

¹⁴⁴ Русский Архив. – 1875. – Кн. XII. – С. 452.

Первоначально заключение в монастырь сопровождалось открытым покаянием и исправлением подначалом одного из монастырских старцев, опытных в духовной жизни¹⁴⁵. Однако постепенно монастырское подначальство превратилось в монастырское «смирение». Церковная реформа Петра I придала монастырскому характер тюремного заключения: «смирение непокорных, через содержание на хлебе и воде, посылку на грязные и тяжелые работы»¹⁴⁶. Последующее законодательство установило перечень правонарушений, за которые миряне приговаривались к монастырскому подначальству. В частности, к ним относились прелюбодеяние и кровосмешение. Срок монастырского покаяния был различный и устанавливался решением суда.

Монастырская дисциплина была проникнута «началом грубой расправы с преступниками»¹⁴⁷. Сосланный в монастырь должен был выполнять обязанности рубить дрова, носить воду, выгребать пепел из печи, сеять муку для монастырской кухни, вообще выполнять всю грязную работу. Подначальные иногда были закованы в цепи. Судебные решения не определяли меру суровости наказания подначальных, поэтому тяжесть его зависела от исполнителей судебного приговора монастырских властей. Нередко бывали случаи, когда «смирение» подначальных принимало форму позорящих телесных наказаний¹⁴⁸. К началу XIX в. подначальных стали передавать в архиерейский дом, где положение их было отнюдь не лучше, чем в монастыре¹⁴⁹. Поскольку судебным решением сроки подначальства не определялись и зависели от произвола монастырского руководства или архиерея, то бывало, что смирение в монастыре переходило в тюремное пожизненное заключение¹⁵⁰.

Церковное покаяние в форме монастырского подначальства предписывалось Уложения о наказаниях 1845 года (ст. 1549, 1566,

---

¹⁴⁵ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 218.

¹⁴⁶ Знаменский Н.А. Приходское духовенство на Руси со времени реформы Петра I. – Казань: Унив. Тип., 1973.

¹⁴⁷ Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. – С. 522.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Розанов В.В. История Московского епархиального управления. Ч. 2. Кн. 1. – С. 130.

¹⁵⁰ Знаменский Н.А. Приходское духовенство на Руси со времени реформы Петра I. – С. 608–610, 658.

1585, 1593, 1594) как особый вид наказания, накладывавшийся церковным судом. Формально на монастырское подначальство осуждались виновные в кровосмешении в прямой, восходящей или нисходящей линии. В этом случае монастырское подначальство заменяло тюремное заключение в Сибири¹⁵¹. Заключение в монастырь предполагалось также для лиц, виновных в кровосмешении в боковых линиях родства и свойства.

Виновные в прелюбодеянии, похищении замужней женщины или вступившие в брак без согласия родителей также могли быть заключены в монастырь¹⁵². В данном случае, на наш взгляд, монастырское подначальство имеет смысл исправительного наказания, применимого к светским людям. Церковные суды порой злоупотребляли этим положением и отправляли в монастырь для прохождения епитимьи значительное количество светских людей.

Количество светских лиц, заключенных для покаяния в монастыри к середине XIX в. достигало 700 человек, что было стеснительно для монастырей, т.к. многие монастыри вообще не имели средств к содержанию арестантов и помещений для их размещения. В 1851 году Синод постановил монастырское подначальство назначать только тогда, когда будет доказана безуспешность покаяния по месту жительства.

Само применение монастырского заключения в судебной практике вызывало немало недоумения и протестов¹⁵³, что привело к проверке и анализу деятельности духовных судов, которые выявили назначения церковного подначальства как основного наказания церковными судами. По заключению комиссии Синода в 1865 году в монастырях значительная часть светских людей содержалась в нарушение Уложения о наказаниях.

---

¹⁵¹ Уложение о наказаниях. Ст. 1593–1594.

¹⁵² Уложение о наказаниях. Ст. 1585, 1549, 1566.

¹⁵³ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 224.

Таблица 1

Всего	Малолетние	Виновные в прелюбодеянии и кровосмешении	Заключенные по высочайшему повелению	Заключенные за невыполнение епитимьи	Не имеющие основания для за- ключения в монастырь
212	29	34	15	2	132

Итак, мы видим, что только 63 человека было заключено за те преступления, за которые по Уложению о наказаниях предписывалось монастырское подначальство¹⁵⁴. Результатом данного расследования стал указ Синода от 18 марта 1868 года о немедленном освобождении из монастырей с преданием церковной епитимьи на местах всех людей светского звания, которые содержались в монастырях не по высочайшему повелению и не за те преступления, за которые полагалось монастырское подначальство. Также указ предписывал впредь заключать в монастырь светских людей только по высочайшему повелению или в случае безуспешности прохождения церковного покаяния по месту жительства.

Отлучение и анафема представляли собой две формы одного и того же наказания, обозначающего исключение верующего из среды членов Русской православной церкви и отличающегося по некоторым формальным признакам. Отлучение можно назвать низшей, частной ступенью анафемы, т. к. отлучить от церкви, т. е. не пустить на богослужении, отказаться принимать приношение и служить требы в каком-то определенном доме мог сам священник, для этого не требовалось никакого формального акта.

Анафема применялась в следующих случаях: к определенным категориям лиц (еретикам и «обидящим церковь Божию»¹⁵⁵), основанием применения должен быть судебный акт, применялось проклятие во время богослужения. Последствия для отлученных были весьма серьезными, т. к. христианам запрещалось вступать в какие-

¹⁵⁴ См. материалы: Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 204.

¹⁵⁵ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 149.

либо отношения с отлученными. Основные изменения в этом наказании в постпетровскую эпоху нашли отражение в Духовном Регламенте Святейшего Правительствующего Синода. В данном документе содержится дифференциация анафемы на великое отлучение (собственно анафема) и малое отлучение (исключение общения, запрет причастия и посещения церкви). Малое отлучение налагалось за серьезные канонические преступления, в частности, раскол, преступления против веры и нравственности, кража церковных ценностей и т. д. Данный вид наказания мог применяться, если правонарушитель к моменту рассмотрения дела в церковном суде раскаялся в содеянном. Гражданско-правовые последствия малого отлучения сводились к лишению права быть представителем при ведении каких-либо дел и быть свидетелем при рассмотрении какого-либо дела судом. Наиболее серьезным наказанием было великое отлучение. По мнению В.Г. Певцова, этому наказанию подвергались не только отступники от веры, непокорные церковной власти, богохулы, но и противники самодержавия¹⁵⁶. Церковь при инициировании процедуры публичного отлучения обязана была предложить правонарушителю раскаяться в содеянном и только после засвидетельствования нераскаянности надлежало созывать церковное собрание, которое провозглашало анафему. Гражданские права при анафеме ущемлялись гораздо серьезнее и фактически означали политическую смерть. Духовный Регламент устанавливает строгую персонификацию наказания: «Точно единоличнъ анафемъ сей подлежить, но ни жена, ни дѣти, ни прочіи домашніи его, развъ бы и оныя поревновать похотѣли его неистовству, и за сію наложенную на него клятву дерзнули бы гордо и явственно укорять Церковь Божию»¹⁵⁷. По мнению профессора Горчакова, постановления Духовного Регламента, касающиеся отлучения, практической силы не получили, что обусловлено особыми взаимоотношениями государства и церкви в постпетровскую эпоху. «Начала Духовного Регламента содержать въ себѣ явное противоречіе тому въдоственному характеру, который приняла Церковь...»¹⁵⁸.

---

¹⁵⁶ Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. – СПб., 1914. – С. 34.

¹⁵⁷ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 162.

¹⁵⁸ Горчаков М. К истории епитимийных номоканонов православной церкви. – СПб., 1875. С. 26.

Анафема представляла собой специальный судебный акт святительского суда, в котором приводились имена преданных анафеме, которые затем провозглашались во время богослужения с добавлением проклятия. Анафема применялась по отношению к узкому кругу лиц, виновных в ереси, «обидящим церковь Божью», виновным в нанесении ущерба государственным интересам¹⁵⁹. Н.С. Суворов приводит другие названия, употреблявшиеся вместо термина «анафема»: извержение, неблагословление, клятва, проклятие, юза, запрещение¹⁶⁰. Многочисленность вариантов названия говорит о том, что отлучение и анафема были широко распространенным наказанием в практике духовных судов.

Отлучение применялось в тех случаях, когда невозможно было наложить денежный штраф, а светская судебная власть по каким-то причинам не могла наказать правонарушителя. Зачастую под эту категорию попадали лица, поддерживающие какие-то элементы идолопоклонства и языческих обрядов, наподобие гадания в святки и обрядов дня Ивана Купалы, вступивших в браки в недозволительной степени родства (двоюродные и троюродные братья и сестры), не ходящие к причастию, употребляющие в пост скромную пищу¹⁶¹. Также отлучению подвергались лица, живущие в нецерковном браке и не раскаявшиеся в своих грехах¹⁶². Некоторые «правила» для священнослужителей устанавливали очень широкий круг лиц, от которых запрещалось принимать дары, что являлось одним из элементов отлучения: «не прими подношения в церковь Божию от неверных, ни от еретика, ни от блудник, ни от прелюбодей, ни от татей, ни от разбойника, ни от грабителей, ни от корчемника, ни от резоимца, ни от ротника, ни от клеветника, ни от поклепника, ни от лживого послуха, ни от волхва, ни от потворника, ни от убийцы, ни от четвероженца, ни от тех, кто челядь свою морят голодом и ранами неповинне, у таковых свечи, ни просфоры не приемли»¹⁶³.

---

¹⁵⁹ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 149.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Неволин О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. С. 299.

¹⁶² Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 155.

¹⁶³ Русские Достопамятности. I. – С. 114–115.

Снять отлучение мог сам священник после того, как наказанный им грешник исправился и покаялся¹⁶⁴. Легкость предания отлучению привела в конечном итоге к тому, что часть священнослужителей стала злоупотреблять отлучением, предавая ему за незначительные проступки или по причине неприязни¹⁶⁵.

Духовный Регламент Петра I определил, что отлучению следует предавать за «явное и гордое презрение суда Божия и власти церковной с великим соблазном немощных братьев», т. е. основным признаком преступлений, наказуемых отлучением, должно быть пренебрежение церковными правилами и законами, публично демонстрируемое и воздействующее на других людей.

Процедура предания отлучению усложнилась и должна была состоять из нескольких этапов. Основным содержанием этих этапов должно было служить увещание, исходившее от духовника, епископа, коллегии духовных и светских лиц.

Формула предупреждения об отлучении, провозглашаемая протодиаконом в праздничный день в церкви, подчеркивает, что данному наказанию предается человек, грех которого явен, который соблазняет окружающих, презирает гнев Божий и наставление пастырское. Это предупреждение адресовано и окружающим грешника близким, которые должны увещевать его покаяться и исправиться.

Если исправления грешника не последовало, то архиерей мог передать дело в духовную коллегию, с просьбой предать грешника анафеме, а затем, получив согласие коллегии, составить формулу анафемы и повелеть протодьякону зачитать ее в церкви при стечении народа.

Сущность анафемы состояла в том, что предаваемый ей грешник лишается благословляющей поддержки церкви, не может присутствовать на богослужении, принимать причастие, а также быть участником других религиозных таинств. Священники должны были всячески препятствовать его посещению церкви. Члены семьи отлученного не считались преданными анафеме, хотя перед ними вставал нелегкий выбор: сохранять свои прежние семейные

---

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 160.

отношения либо оставить отлученного в одиночестве из-за страха перед общественным мнением.

Следует отметить, что совместное проживание с отлученным и преданным анафеме человеком порой приводило к ущемлению прав членов его семьи. В Священный Синод была подана жалоба на действия суздальского епископа Варлаама, запретившего судье и его подьячим вход в церковь. Жалобщики указывали: «а сего февраля 11 дня, в Суздале, в доме моем, двороваго моего человека Герасима Семенова жена его Фекла Михайлова дочь родила младенца, а родильной молитвы за запрещением его, епископа Суздаля, города попы не дают и с помянутого числа оная жонка и поныне без молитвы, а новорожденный младенец едва ныне жив, без крещения пребывает»¹⁶⁶. Результатом данного дела было исключение из запрещения архиерейского домов судьи и подьячих, т.к. их члены семей никаких обид епископу не наносили. Однако самому епископу, слишком широко толковавшему свое право на отлучение, никакого внушения сделано не было¹⁶⁷.

Практика наложения отлучения без предварительных этапов, увещевания и согласительных процедур с духовной коллегией продолжалась. Даже простые приходские священники распоряжались наложением отлучения даже без уведомления высшей власти. Профессор М.И. Горчаков отмечал, что священники своих духовных детей и прихожан без ведома своих местных архиереев и не за правильные вины, а из-за частных раздоров отлучают от входа церковного¹⁶⁸.

Церковное отлучение и анафема могли иметь и гражданско-правовые последствия. Подвергнувшиеся им не могли свидетельствовать в суде¹⁶⁹.

Такая категория отлучения от церкви как анафема политическая, весьма популярная в византийской церкви, также была заим-

---

¹⁶⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. I №440.1

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Горчаков М.И. К истории епитимийных номоканонов православной церкви. – С. 26.

¹⁶⁹ Устав гражданского суда. Ст. 83, 371, Устав уголовного суда. Ст. 95, 706.

ствована и присутствовала в судебной практике русской православной церкви. По форме она представляла собой синодики (списки) имен политических противников церкви и официальной власти. Анафема им провозглашалась в чинопоследовании в течение нескольких дней в неделю Православия. Последовательно зачитывались имена протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята, чернецов Сергия, Савватия, Отрепьева, Мазепы и других «политических преступников». К середине XIX в. (в 1869 году) чин анафематствования был смягчен, исключены имена еретиков. Примеры процессов над народовольцами, петрашевцами и др. показывают, что имена государственных преступников анафематствованию не предавались, но они обозначались общим определением: «помышляющих, яко православные государи возводятся на престолы не по особенному о них Божию благословлению и при помазании дарования Святого Духа к прохождению великаго своего звания в них не изливаются и тако дерзающим против них на бунт и измену, анафема, трижды»¹⁷⁰.

Примером политической анафемы может считаться послание Святейшего Синода, отлучающее Л.Н. Толстого, которое было составлено в мягких, увещательных выражениях, что соответствует тому представлению о форме и значении отлучения, которое сложилось к концу XIX в. Анафема представляла собой уже не карающий акт судебной власти, а имела характер предостережения, в первую очередь для тех людей, кто руководствовался в своей жизни, в своих поступках учением Толстого. Обличение Л.Н. Толстого как символа «толстовства», признанного лжеучением, находящимся в противоречии с догматами русской православной церкви, должно было удерживать православных от впадения в заблуждение.

В целом, следует сказать, что к началу XX в. отлучение от церкви и анафема утратили большую долю своей значимости. Сократилось количество отлучений от церкви, священнослужители уже не могли произвольно предавать проклятию своих недругов, чин анафемы предполагал многоступенчатое, коллегиальное действие.

---

¹⁷⁰ Русский архив. – 1870. – С. 752–757.

Особенные наказания русской православной церкви имели своей целью укрепление церковной дисциплины, а также обеспечение особого судопроизводства для священнослужителей и лиц, находящихся под церковной юрисдикцией. Устав Ярослава Мудрого определял неподсудность монашествующих, белого духовенства и людей, живущих на землях церкви светскому суду.

В эпоху существования Русского централизованного государства отдельным монастырям (Троице-Сергиев, Вознесенский девичий, Ново-Девичий) и епархиям (московская, новгородская, коломенская) цари предоставляли жалованные грамоты, определявшие подведомственность церковных судов в этих учреждениях и предоставлявшие им определенные привилегии. Подобными являются грамоты на имя первосвятителей русской церкви – сначала митрополитов, а затем патриархов. В них, заканчивая грамотой Михаила Федоровича 1614 года, устанавливалась подсудность монастырских и патриарших крестьян, а также слуг. Эти категории населения не попадали под юрисдикцию светского суда, кроме убийства. Исключением можно считать и дела, истцами в которых выступали патриаршие слуги и крестьяне, а ответчиками – посторонние лица. Относительно церковных судебных чинов и вотчинных крестьян структура «вопчего» суда была различной и определялась индивидуально, суд при этом формировался из представителей церкви, наместников, тиунов, волостелей, а также представителей монастырской администрации – приказчиков, приставов¹⁷¹.

На Московском Соборе 1667 года было принято решение о неподсудности русского духовенства светским судьям ни по каким гражданским делам. Все категории духовенства, как белого, так и черного, находились в ведении учрежденного в 1668 году Патриаршего Духовного Приказа. Однако просуществовал данный Приказ не долго – уже в 1675 году все дела, подсудные Патриаршему Духовному Приказу, были переданы Патриаршему Разряду.

Положение это вполне отвечало существующему тогда в Европе порядку вещей, при котором священнослужители, даже совершившие тяжкое уголовное преступление, судились церковным судом.

---

¹⁷¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией (А.И.). Т. 1. – СПб., 1841. – №17.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией (А.И.). Т. 1. – СПб., 1841. – №258, 268.

По мере развития государственных институтов юрисдикция церковного суда сокращалась, и часть деяний духовных лиц стала подсудна светским судам.

В ведении духовных судов остались проступки неведения и нечаянности, которые неудобно подвергать гласному светскому суду, проступки против должности и благонамеренного поведения, не нанесшие явного вреда и совершенные священнослужителем впервые, дела, не нуждающиеся в формальном производстве, имеющие отношение к нравственности священнослужителя.

Например, духовным судом или лично архиереем рассматриваются жалобы на то, что члены церковного причта удержали у одного из своих членов часть церковных доходов, на распоряжение имуществом церковного причта без общего согласия или с ущербом¹⁷².

По уголовным преступлениям, согласно Судебным уставам 1864 года, духовные лица и монашествующие подлежали общему порядку уголовного судопроизводства. Епархиальные власти уведомлялись об обстоятельствах дела, ходе следствия и ознакомлялись со следственными актами. Духовные лица содержались во время следствия отдельно от остальных заключенных. Приговоры светского суда отсылались к духовному начальству и сопровождалась снятием духовного сана или помещением в монастырь.

Духовному суду могли подлежать «причиненные обиды», в том случае, если обиды предусмотрены Уложением о наказаниях, но могут быть окончены примирением, они должны подлежать духовному суду. К этим обидам относятся:

- нанесение умышленных побоев, не подвергающих жизнь потерпевшего опасности;
- нанесение каким-либо оскорбительным действием личной обиды отцу или матери, или иному родственнику по прямой восходящей линии;
- клевета или распространение оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов, в том числе клевета на бумаге, поданной в присутственное место;
- нанесение легких ран или увечий по неосторожности;

---

¹⁷² Бердников И.С. Краткий курс... – С. 558.

– нанесение одним супругом другому ран, увечья, тяжких побоев или других истязаний, если это насилие не вызвало смерть потерпевшего или лишение его рассудка зрения, слуха, речи или членов тела.

По циркулярному указу Священного Синода от 24 октября 1886 года №19 дела об обидах и оскорблениях, которые могли оканчиваться примирением, подлежали ведению духовного суда. Последний же, несмотря на мировое соглашение обидчика с потерпевшим, должен был карать виновного, если оскорбление было соединено с проступком, противным духовному сану. Также церковные суды разрешали дела об оклеветании одного священника другим по разъяснению Правительствующего Сената за номером 67/181. Из ведения Окружных Судов были изъяты, а, следовательно, подлежали церковной юрисдикции следующие проступки священнослужителей:

– повенчание лиц, не достигших брачного возраста, уже находившихся в супружестве или в первых четырех степенях родства, а также в родстве духовном;

– неправильное ведение церковно-приходских книг;

– дела о браках, совершенных в результате насилия, обмана или по сумасшествию одного из супругов на предмет действительности или недействительности брака, а также по участию в этом духовных лиц и их наказанию по правилам церкви.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что все преступления и проступки лиц духовного звания, не относящиеся к нарушениям обязанностей их звания и не предусмотренные Уставом Духовных Консисторий и другими действующими по церковному ведомству положениями, подлежали ведению общих судебных постановлений и к ним применялись общие законы. При этом должны были соблюдаться изъятия из законодательства, указанные в ст. 1020–1029 Устава Уголовного Судопроизводства, ст. 5 Устава о наказаниях и ст. 86 Уложения о наказаниях. Правительствующий Сенат и Священный Синод признали также подсудными общим судебным местам проступки по обвинению священнослужителей в оскорблении должностных лиц¹⁷³.

---

¹⁷³ Вруцевич М. Руководство для консисторий... – С. 22.

Лица белого и черного духовенства за самовольные отлучки из приходов и монастырей подлежали передаче вышестоящему начальству для наказания по церковным правилам. Более детальное регулирование этого положения возлагалось на епископов. Так, преосвященный Владимир, епископ Оренбургский и Уральский, в 1896 году издал указание, по которому «<...> ни по каким причинам не должен никто из священников-церковнослужителей отлучаться из своих приходов без разрешения своего благочинного и без билета от него. Наказание – штраф»¹⁷⁴.

Наказания духовного суда, налагаемые на духовных лиц и монашествующих, представляли собой аналогию общих наказаний церковного суда. Мы можем видеть в их числе денежные взыскания, телесные наказания, монастырское подначальство. Особенностью наказаний для духовных лиц являются лишение должности и извержение из сана.

Одним из наказаний для духовенства являлись денежные взыскания. Церковный устав Ярослава гласит: «Аще чрънеуь, или чръница, поп, или попадаиа, или проскурница впадут во блуд, тех судить митрополиту опрочь мирянь, во что их осудить волень. Аще поп или чрънец упиются без времени, митрополиту у вине. Аще чрънец или чръница рострижется, митрополиту у вине, во что их обрядит». Н.С. Суворов под выражением «у вине» понимает денежное взыскание, которое применялось, когда виновное лицо, по мнению судей, не могло оставаться на службе в церкви. В дальнейшей истории денежные взыскания практикуются в основном за такие правонарушения, как утайка венечной подати, похоронных денег, утайка церковных пашенных угодий. Законодательство периода правления Петра I содержало следующую норму: «А буде о тех, кто у исповеди не будет, а Священник о том не донесет: и за такую ману взять на нем штрафа, первой пять рублей, второй десять Рублев, третий 15 рублев»¹⁷⁵.

Иногда денежное взыскание фактически представляло собой конфискацию. Например, Указ Синода от 20 мая 1721 года содер-

---

¹⁷⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1895. – №22. – С. 343.

¹⁷⁵ Указ 17 февраля 1718 года // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 5. – №3169.

жал норму, устанавливающую ответственность священнослужителей за сокрытие жителей: «Особливо подтвердить священникам с причетники, у которых оные вотчины и деревни и вотчинники в приходах обретаются, дабы они паче всех оное по указам исполнить могли сущею истинной. И о помянутых утаенных и прописных, которые им, яко тутошним жителям и прихожан своих знающим, не ведомы суть, показали б о всех без всякой утайки. Ежели они поступят в том неправдою, и утаенных и прописных знал, или о них ведая не покажут, и дерзающих и ныне безстрашием утаивать не обличать, а потом сами в таком посползовении обличены будут: и таковые жестоко накажутся, а именно лишатся санов своих и мест и имения, и по беспощадном на теле наказании порабощены будут каторжной работе, хотя б кто и в старости не малой был»¹⁷⁶.

Во второй половине XVIII века круг применения денежных взысканий увеличивается вследствие отмены телесных наказаний. Так, 7 июля 1767 года выходит Указ Синода «О нечинении пристрастных допросов и телесных наказаний священникам и иеромонахам», которым телесное наказание заменялось денежным штрафом в пользу церкви и отлучением от прихода. Получателем штрафов являлась не только Церковь; по Указу Синода 22 декабря 1823 года за «неуважение к дому Божию и освященным в оном вещам, доказанное неблагочинными словами или действием»¹⁷⁷ целевым назначением штрафа являлись социально незащищенные слои общества – вдовы и сироты. Необходимо отметить тот факт, что применение денежного взыскания не исключало применения другого наказания.

Телесные наказания священнослужителей русской православной церкви упоминаются в летописных источниках редко. Примером подобного наказания может служить рассказ о суде киевского митрополита Константина над епископом Федором и предании того калечащему членовредительскому наказанию¹⁷⁸.

---

¹⁷⁶ Указ 20 мая 1721 года // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 6. – №3787.

¹⁷⁷ Указ от 22 июня 1823 года // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 38. – №29711.

¹⁷⁸ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. II. – С. 76–78.

Постепенно применение телесных наказаний в церковной среде расширилось. При патриархе Никоне многие жаловались на тяжесть наказаний виновным священникам, при которых использовались цепи, батоги и пр.¹⁷⁹. В XVIII в. телесные наказания сделались обязательным компонентом выносимых решений. В архиерейских грамотах можно встретить определения: «учинить жестокое наказание плетью на страх, дабы как ему, виновному, так и другим таких предерзостей чинить было неповадно», «бить плетью нещадно на страх, дабы на то смотря и другие чинить не дерзали», «наказание плетью приумножить»¹⁸⁰. В отчетах консисторий появились перечни орудий наказания, к которым относились плети, батоги, шелепа, цепки (плети с несколькими хвостами, вымоченными в горячей смоле), цепи и оковы¹⁸¹. К концу XVIII в. телесному наказанию подвергались все священнослужители и монашествующие, без различия сана и пола. В.В. Розанов приводит пример телесного наказания игуменья¹⁸². Для монашествующих делалось одно исключение из правила о телесных наказаниях: их наказывали только при собрании монахов, но не мирян¹⁸³.

В правление Екатерины II, в соответствии с провозглашенными императрицей идеалами просвещенного абсолютизма, Синоду пришлось пересмотреть свое отношение к применению телесных наказаний и констатировать неумеренную суровость наказаний для духовенства. Резолюцией императрицы предписывалось дать наставление епархиальным властям «дабы священникам и иеромонахам как пристрастных расспросов, так и никаких телесных наказаний через побои в духовных командах отнюдь чинимо не было, а единственно исправляемы были бы вместо телесного наказания приличными духовенству трудами и отрешением от дохода и от прихода по рассмотрению»¹⁸⁴. Впоследствии запрет на применение

---

¹⁷⁹ Соловьев С.М. История России. Т. XIII. – С. 147.

¹⁸⁰ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 282.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Розанов В.В. История московского епархиального управления. – С. 303.

¹⁸³ Чтение в обществе любителей духовного просвещения. – 1870. – Кн. VII. – С. 82.

¹⁸⁴ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 282.

ние телесных наказаний был распространен на протодьяконов, иеродьяконов и дьяконов. Формально любое применение телесных наказаний к духовным лицам было запрещено в 1811 году¹⁸⁵, однако элементы его сохранились в монастырском подначальстве.

Монастырское подначальство, являвшееся разновидностью церковного покаяния, предполагало поступление виновного под духовное руководство лица «доброго и крепкожительного»¹⁸⁶. Однако зачастую подначальство теряло свой первоначальный смысл исправления путем доброго примера и превращалось в «смирение». Известны «подвиги» старца Кирилло-Белозерского монастыря Александра, который подначальных ему «лает блядинами детьми, а иных старцев из собору выметал и к морю разослал... службников и крылошан колет остном и бьет плетьюми... и на чепь и в железа сажает»¹⁸⁷. Дьячок Семейка за найденные у него гадальные тетради был подвергнут заключению в монастырь, где было велено заковать его в ножные кандалы и держать в монастырских черных службах год¹⁸⁸. Игумен перемышльского монастыря Иннокентий головы и бороды сосланным брил, а прочих, к деревянной стене приставив, ниткой под бороду запечатывал и часа по четыре в летнее время на солнце морил¹⁸⁹.

В XIX в. монастырское заключение стало нередко заменяться пребыванием в архиерейском доме. В этом случае подначальные были полностью бесправны перед прихотями архиерея. «Тут пускали в дело шелера и плети, сажали на цепи, дня по три не давали есть, холодной водой со снегом соборных попов и певчих знобили, водой поливали, снег за пазуху клали, какого-то Петрушу Кириллова сам архиерей на молебне в соборной церкви зашиб до крови; попов били нагих до крови и приговаривали: «бей до смерти, мертвые наши»¹⁹⁰. Самодурство архиереев было безграничным. Так, например, известен епископ, который заставил содержащихся в его

---

¹⁸⁵ Полное собрание законов Российской империи. – №19885.

¹⁸⁶ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 285.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. – С. 285.

¹⁸⁹ Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси... – С. 658.

¹⁹⁰ Соловьев С.М. История России. – С. 149.

доме лиц выкопать пруды, имевшие вид начальных букв его титула и имени ¹⁹¹.

Монастырское подначальство сохранилось в том или ином виде до начала XX в. и было, пожалуй, наиболее одиозным видом наказания.

Временное запрещение священнослужителя приостанавливало его права на совершение служб и выполнение треб прихожан. С самого начала существования русской православной церкви временное запрещение ставилось на один уровень с епитимьей ¹⁹². Лицо духовное, подвергшееся временному запрещению, считалось лишенным права приступить к таинству причастия. Вместе с тем, подобная епитимья приводила к ограничению должностных прав. Священник, временно запрещенный к служению, одновременно переводился на причетническую должность ¹⁹³. Также священнику, запрещенному к служению и умершему во время этого запрещения, отказывали в священническом погребении ¹⁹⁴. Впоследствии запрещение стало делиться на несколько категорий, в число которых стали входить следующие степени наказания:

1. Отрешение от места и определение, по запрещении служения, в причетническую должность впредь до оказания искреннего раскаяния и совершенного исправления. Особенно часто подобное наказание употреблялось для священников и дьяконов, совершавших богослужение в нетрезвом виде неоднократно, выказавшим неуважение к дому Божьему и освященным местам, допустившим смерть младенца без крещения, обвенчавших несовершеннолетних, оскорблявших прихожан вне церкви.

Временно-исправительный характер этого вида наказания, относящийся к ограничению в должности, практически никогда не выдерживался, т.к. раскаявшийся в своем проступке священнослужитель не мог вернуться на прежнее место, оно было уже занято, следовательно, наказание сводилось к переводу в другое место. В 1875 году Святейший Синод своим указом разрешил запрещенных

---

¹⁹¹ Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси... – С. 610.

¹⁹² Суворов Н.С. О церковных наказаниях. – С. 289.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Розанов В.В. История московского епархиального управления. – С. 76–77.

к служению священнослужителей помещать в монастырь за неимением мест причетников. Также возможно было оставить запрещенного к служению священнослужителя на его прежнем месте с подчинением их особому надзору благочинных и запрещением служения, с назначением им причетнического оклада.

2. Запрещение к служению и заключение в монастырь на три или четыре месяца или наложение публичной епитимьи для тех священников и дьяконов, которые в нетрезвом виде оказали неуважение в дому Божьему. Епитимья могла представлять собой различные благочестивые действия, например, участие в богослужении, чтении и пении в церкви, чтение канона покаянного и акафистов, определенное количество поклонов. Поклоны выделялись из общей совокупности наказаний, налагаемых в ходе епитимьи. В данном случае молитва представляла собой не общение человека с богом, а унижительное и довольно тяжелое физическое наказание¹⁹⁵.

3. Запрещение к служению и запрещение употреблять знаки отличия, орденские или установленные для белого духовенства¹⁹⁶.

Дополнительными наказаниями в зависимости от тяжести проступка могли быть строгий или простой выговор, замечание.

Наиболее тяжкие преступления священнослужителей, как духовные, так и светские, карались лишением сана, монахи исключались из духовного ведомства. Если священнослужитель светским судом был признан виновным в совершении уголовного преступления и присужден к наказанию, то он лишался сана. Также сана лишались священнослужители, которые отошли от доктрины православной церкви и впали в раскол или ересь¹⁹⁷. Из сана могли исключить и за пороки и дурное поведение¹⁹⁸. Исключенные из духовного ведомства и лишенные сана священнослужители передавались губернским правлениям с подробным объяснением вины. Дальнейшая судьба подобных священнослужителей могла быть весьма горькой. Устав духовных консисторий предписывал высылать подобных священнослужителей в области восточной Сибири для занятия сельским хозяйством или городскими ремеслами с

---

¹⁹⁵ Устав духовных консисторий. Ст. 193.

¹⁹⁶ Указ святейшего Синода от 30 июля 1821 г.

¹⁹⁷ Устав духовных консисторий. Ст. 188.

¹⁹⁸ Там же. Ст. 181.

включением их в податное общество¹⁹⁹. Таким образом, лишенные сана по причине совершения уголовного преступления и по причине дурного поведения одинаково оказывались лишенными прав состояния, принадлежащих им от рождения.

Указы Святейшего Синода и светское законодательство на протяжении второй половины постепенно смягчали достаточно объемную и жесткую систему наказаний духовного суда. Постепенно сокращалось число светских лиц, подвергавшихся монастырского подначалию. Ушли в прошлое телесные наказания и денежные штрафы. Гораздо менее распространенной и грозной мерой стало отлучение от церкви.

Наиболее аргументировано позицию русской православной церкви относительно строгости наказаний духовного суда высказал митрополит Сергей на Священном соборе русской православной церкви 1917–1918 годов: «не строгостью законов утверждаются нравы. Высота нравов зависит от чего-то иного, а не от строгих законов. Когда в Церкви заходил спор о применении строгости или о снисхождении, она всегда становилась на сторону снисхождения. Проявлять к людям неуклонную строгость, требовать от них исполнения закона, а немогущим исполнить предлагать уходить прочь – это не значит исполнять заповедь Христа... Строгость – позиция эффектная и привлекательная, но Церковь никогда не гонялась за нею, а заботилась о спасении верующих»²⁰⁰.

Вместе с тем оставались далеко не разрешенными многие вопросы деятельности духовных консисторий, полномочий духовного суда, разграничения сфер деятельности светского и духовного судов.

---

¹⁹⁹ Там же. Ст. 284.

²⁰⁰ Белякова Е.В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова. – М.: Кучково поле, 2011.

ГЛАВА 4. ДУХОВНЫЕ КОНСИСТОРИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Деятельность церковного суда в XIX в. была связана в первую очередь с существованием духовных консисторий. Консистория как коллегиальный административный и судебный орган местного епархиального управления действовала под начальством архиерея и находилась в ведении Святейшего Синода. До начала XIX в. она представляла собой личную архиерейскую канцелярию, исполнявшую лишь распоряжения главы епархии.

Упорядоченность в деятельности духовных консисторий была обеспечена законодательством Николая I. В 1841 году вступил в силу Устав духовных консисторий. Он завершил процесс полной бюрократизации церковного управления на местах. С этого времени духовные консистории не только исполняли резолюции епархиального архиерея, но и выносили свои постановления.

Духовные консистории учреждались в православных епархиях, а также в тех местностях, где этого требовали интересы православного населения. Именно консисториям были доверены управление и духовный суд в епархиях. Помимо постоянного присутствия, т. е. делопроизводства, могло быть создано и временное присутствие консистории. В их состав могли входить как постоянные, так и временные члены. Численный состав, как правило, не превышал 5–7 постоянных членов, к которым по случаю добавлялись еще 2–3 временных члена²⁰¹. Формирование состава духовной консистории осуществлялось двойственным путем. С одной стороны, ее члены могли быть избраны из числа игуменов, архимандритов, протоиереев и по согласованию с местным архиереем утверждены Святейшим Синодом. Однако существовали должности, занятие которых автоматически приводило к включению в состав членов консистории. Таким был пост ректора духовной семинарии или академии²⁰². Высшая власть над консисторией принадлежала Синоду и особое положение в ней занимал секретарь. Он назначался Святейшим Синодом по представлению обер-прокурора без всякого участия местного владыки. Через секретаря обер-прокурор

---

²⁰¹ Законодательство Николая I. Раздел IV. Глава I. – С. 280–281.

²⁰² Там же. – С. 282.

следил за исполнением законных постановлений по духовному ведомству на местах, а заодно и за деятельностью самого архиерея.

Сам процесс делопроизводства духовных консисторий строго регламентировался. Присутствие членов было обязательным во все дни недели, за исключением воскресенья и отчасти субботы, а также периодов, когда она могла мешать деятельности священнослужителей. Устав духовных консисторий определяет эти периоды: первая и последняя неделя великого поста, все пятницы в течение великого поста, дни с 24 по 29 декабря и с 4 по 9 января.

Особое внимание уделялось консисторской канцелярии. После принятия Устава духовных консисторий основу системы епархиального управления стали определять взаимоотношения епархиального архиерея как начальника епархии и секретаря духовной консистории как непосредственного представителя Синода, а точнее обер-прокурора, в епархии. Их взаимоотношения, степень влияния каждого на епархиальную жизнь не оставались неизменными, а менялись в течение синодального периода. Двойная подчиненность консисторского секретаря, когда он, с одной стороны, находился под ближайшим начальством архиерея, а, с другой стороны, непосредственно подчинялся обер-прокурору Святейшего Синода и был обязан выполнять все его предписания, создавала в различных епархиях немало конфликтных ситуаций между архиереем и секретарем консистории.

Независимое положение секретарей духовных консисторий от владыки сложилось не сразу и не во всех епархиях, что зависело от субъективных факторов, таких как родственные связи секретарей с влиятельными представителями губернского общества, в других же епархиях перевес был на стороне сильных архиереев, пользовавшихся авторитетом в Русской православной церкви.

Секретарь канцелярии назначался святейшим Синодом на основании представления обер-прокурора Синода. На него возлагались обязанности по подготовке и выдаче метрических свидетельств, различного рода справок и т. д. Кроме того, секретарь получал от обер-прокурора Синода предписания по поводу дел, по которым нужно было заключение консистории. Дела рассматривались в порядке очередности, из которого, впрочем, делались исключения. Вне очереди ставились на слушанье дела, по которым содержались арестанты, о запрещении к служению, о происшествии в храмах и др. Срок слушания по другим

делам не мог превышать месяца. Делопроизводство присутствий консистории расписано в Уставе весьма подробно. Следует сделать вывод, что Устав духовных консисторий регламентировал деятельность этих учреждений столь же тщательно, как правила департаментов регламентировали деятельность столов в самих департаментах.

При слушании дел также особую роль играл секретарь консистории. Он не только представлял доклад по делу, но и давал справки по сути дела, а также разъяснял членам присутствия суть законов.

Отметим еще раз, что все преступления, относившиеся к юрисдикции церковного суда в России, можно разделить на две большие группы, опираясь на критерий статуса обвиняемого. Речь шла о преступлениях, совершаемых членами церковного клира, и о преступлениях, совершенных мирянами.

Организация суда и сам судебный процесс в этих случаях различались весьма существенно.

Общие свойства церковного суда опирались на моральные принципы и заповеди, сформулированные в посланиях апостола Павла (по словам которого целью церковного суда было не разорение, а созидание)²⁰³, постановлениях вселенских соборов, понятия справедливости и человеколюбия. Вместе с тем достаточно четко прослеживаются сословно-ограничительные факторы.

Так, например, в суде не могли свидетельствовать крепостные против своих помещиков, а вольноотпущенные крестьяне – против своих прежних владельцев²⁰⁴. Обвинения против духовных лиц не могли выдвигать те, кто был отлучен от церкви, еретики (т.е. старообрядцы и последователи сект), язычники (как именовали ламаистов и езидов) и иудеи²⁰⁵. Дети также не могла свидетельствовать против своих родителей.

В церковном суде, так же, как и светском, не принимались свидетельства людей безумных, глухонемых, осужденных преступников. Однако также не могли быть свидетелями лица, имевшие какой-то

---

²⁰³Послание к Коринфянам. 13, 10

²⁰⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 10. Ч. 11. Гл. 1. Отд. 1. Ч. 11. – С. 363.

²⁰⁵ Записки по церковному законоведению. – С. 214–215.

изъян с моральной точки зрения: не бывавшие у причастия, уличенные в супружеской измене, иностранцы, не имеющие поручителя о благонравном поведении.

В делах, где в качестве ответчика выступало духовное лицо, не принимались показания лиц, лишенных духовного звания и вообще неблагонравных.

Церковный суд достаточно строго относился к достоверности свидетельства. Поэтому из числа свидетелей исключались близкие родственники, лица, заинтересованные в деле, а также духовные лица, которые должны были быть судьями в данном деле.

Единственного свидетельства было недостаточно для вынесения церковного решения. Свидетелей должно было быть двое или трое, и показания они приносили под присягой.

Судебный процесс над духовным лицом мог начаться по различным основаниям: по сообщениям присутственных мест, должностных лиц, сообщениям благочинных или членов причта, по прошениям прихожан, по жалобам от лиц духовных или светских, по замечаниям в клировых ведомостях, по собственному признанию виновных.

Одним из способов выявить наличие преступлений против веры, выразившихся в отступлении от ортодоксального способа регистрации актов состояния, было ведение метрических книг. Указ Петра I «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» узаконил ведение метрических книг, а с 1722 года было введено повсеместное ведение метрических книг на всей территории Российской империи. Соответственно, теперь законность брака, рождения, установление факта смерти подтверждались метрическими книгами.

Известны казусы, когда наследники не могли доказать степень родства с умершим, либо брак объявлялся недействительным по причине отсутствия соответствующих записей в метрических книгах прихода. Указ Синода от 1779 года «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» предписывал обязательное наличие книг в приходах и консисториях. Оба экземпляра – консисторский и приходской – содержали одну и ту же информацию, но имели существенные различия в оформлении и формировании, а в ряде случаев отличались и составом информации. Регистрация в метрических книгах велась священниками со слов,

поэтому в записях находило отражение большое количество бытовых (просторечных) наименований населенных мест (а, возможно, и их частей).

Количество метрических книг, хранящихся в архивах, достаточно велико. В фонде 570 Нижегородского областного архива метрические книги представлены начиная с середины XVIII в. Примером метрической записи о рождении может служить следующая: «У крестьянина с. Ишино Нижегородского уезда Нижегородской губернии, Николая Семеновича Галкина и законной жены его Анны Михайловны, оба православные, родился 25 октября 1904 года сын Димитрий, крещен 26 октября 1904, церковь села Ишино, священник Василий Виноградов, псаломщик Иван Краснов, восприемники – крестьянин того же села Андрей Иванов Голодяев и крестьянка Евдокия Иванова Привалова». Отметим, что метрическая запись зачастую не закреплялась подписями участников события и свидетелями, что говорит о невысоком уровне правового сознания населения и несовершенной форме самой процедуры.

Велись метрические книги в церковных приходах до 1918 года (в некоторых районах – до 1921), затем регистрация актов гражданского состояния была передана подотделам ЗАГС местных органов государственной власти.

После октября 1917 года метрические книги первоначально были переданы в городские, уездные, волостные земские управы, а с созданием органов ЗАГС – в их волостные, уездные и губернские отделы.

Еще одной категорией документов консистории, которые несут значительную информацию о сфере деятельности церковного суда, являются списки бывших у исповеди. В Нижегородском областном архиве представлено большое число подобных списков.

В консисториях не было особо выделенной следственной части и не существовало должности судебного следователя. Поэтому следствие поручалось одному из приходских священников, в каждом случае особо²⁰⁶. Постановления духовного следователя имели ту же силу, что и следователя по уголовным делам. Духовный следователь

---

²⁰⁶ Устав Духовных Консисторий. – СПб., 1912. – С. 158.

мог принести жалобу в консисторию на неисполнение своих постановлений и сопротивление своим действиям ²⁰⁷.

Обвиняемые и свидетели вызывались к духовному следователю повестками через полицию, волостное или сельское начальство. Неявка свидетеля к духовному следователю являлась основанием для возбуждения против него дела в мировом суде ²⁰⁸. Духовный следователь получал для производства следствия прогонные деньги от духовного ведомства, которые впоследствии взыскивались с виновных или с тех лиц, по показаниям которых производилось следствие ²⁰⁹.

Для ведения следствия не существовало каких-то определенных правил, кроме ссылки на установленные правила и формы, под которыми понимались «Законы о судопроизводстве», помещенные во второй части XVI т. Свода Законов Российской империи, однако в ходе судебной реформы 1864 года эти правила были заменены новыми судебными уставами. Таким образом, сложилось противоречие между реформированным процессом уголовного судопроизводства и старыми процессуальными формами духовного суда.

Источники также показывают неудовлетворительное состояние следственной части духовного ведомства, дела против духовных лиц велись крайне медленно и без заинтересованности в конечном результате ²¹⁰.

Для противодействия пристрастному или противозаконному образу действий духовного следователя обвиняемому предоставлялось право отвода судебного следователя ²¹¹. Однако решение об отводе следователя принималось консисторией и, как правило, было отрицательным. Обвиняемый также имел право приносить жалобу на действия следователя епархиальному архиерею и в Синод. По окончании следствия обвиняемый мог также в материалах следствия указать на свое недовольство, пояснив причины этого недовольства.

---

²⁰⁷ Устав Уголовного суда. Ст. 270.

²⁰⁸ Вруцевич М. Руководство для консисторий... С. 5–7.

²⁰⁹ Там же. С. 5–7.

²¹⁰ Указ Святейшего Синода 24 октября 1886 г. о результатах ревизии одной из двух консисторий.

²¹¹ Бердников И.С. Краткий курс церковного права... – С.556.

Следует отметить, что в духовном процессе все показания давались во время следствия: «все свои показания подсудимый должен приносить при следствии и изъяснить при рукоприкладстве под следствием и под делом»²¹². При слушании материалов дела и вынесении решения члены консистории не заслушивали показаний подсудимого. Таким образом, духовный процесс, провидимый консисторией, имел сходство с инквизиционным процессом в Западной Европе XVI–XVII вв.

Следственное дело по окончании следствия представлялось в консисторию для проверки и утверждения. Члены консистории рассматривали, произведено ли следствие в соответствии с установленными формами, насколько оно закончено и целостно. Из материалов признанного удовлетворительным следствия составлялось краткое извлечение для доклада. Консистория имела права повторного опроса обвиняемого в том случае, если его показания, данные при допросе, были признаны членами консистории неполными или неудовлетворительными.

По окончании рассмотрения краткого доклада по существу дела консисторией принималось решение, которое могло быть обжаловано подсудимым в семидневный срок. Также могла быть в течение месяца подана апелляция на решение духовного суда. Апелляция сопровождалась приложением подробной справки о подсудимом и апелляционного отзыва. В отзыве сам подсудимый должен был указать, почему он считает приговор несправедливым, и каким законам он противоречит. Если ни возражения, ни апелляции от осужденного не исходило, то решение духовного суда вступало в законную силу.

Значительная часть дел, рассмотренных консисторией, приходилась на брачно-семейные отношения, прежде всего, установление законности браков и разводы. Дела о рассмотрении законности брака или о рождении от законного брака возбуждались по требованию светских судов, по просьбам частных лиц об установлении законности их брака или брака их родителей. Основанием для установления подлинности брака были метрические книги приходов, обыскные книги, исповедные росписи, гражданские документы, следственные материалы. На следствии опрашивали причт, который венчал брак,

---

²¹² Устав Консисторий. – С. 162.

бывших на свадьбе свидетелей, вообще людей, знавших о совершении брака. Свидетели приносили показания под присягой. После собраний документов или по окончании следствия консистория выносила решение о признании или непризнании брака²¹³. Отметим, что доносы частных лиц о незаконности брака консисторией не принимались, также как метрические свидетельства или сведения о них в третьи руки выдавались только по предъявлении доверенности, т. е. духовные суды хранили тайну частной жизни.

Если рождение того или иного лица, о котором возбуждено дело, не было записано в метрических книгах, или метрическая запись вызывала сомнение, т.к. находилась под другим числом, содержала подчистки и исправления, то по изучении совокупных доказательств консистория принимала решение о происхождении от законного брака и выдавало метрическое свидетельство²¹⁴.

Дела о признании законности и незаконности браков возбуждались также по донесениям должностных лиц, по отношениям уголовных судов, по жалобам частных лиц о нарушении их прав. К числу подобных жалоб относятся дела о браках, заключенных через употребление насилия, принуждение к браку. Решение консистории о признании брака недействительным как заключенного по принуждению, либо брака с несовершеннолетним влекло за собой возбуждение уголовного дела в светском суде по окончании духовного суда²¹⁵. Также священнослужители и причетники, виновные в совершении подобного брака, подлежали духовному суду²¹⁶.

Отдельной и весьма болезненной проблемой являлся вопрос о расторжении брака. В допетровской Руси признавались следующие поводы к разводу:

- по обоюдному согласию (наиболее распространенным мотивом для этого было монашество);
- неплодие;
- неспособность к супружескому сожитию;
- прелюбодеяние;
- жестокое обращение;

---

²¹³ Устав духовных консисторий. Ст. 260–262.

²¹⁴ Устав духовных консисторий. Ст. 265–269.

²¹⁵ Бердников И.А. Краткий курс церковного права... С. 564.

²¹⁶ Там же. С. 561.

- крайняя бедность;
- растрата мужем жениного состояния;
- пьянство и распутство;
- подстрекательство на воровство;
- покушение одного супруга на жизнь другого;
- важные государственные преступления;
- безвестное отсутствие;
- клевета важная, знание о покушении на жизнь мужа и недонесение ему о том;
- зазорное поведение;
- заразительная болезнь;
- увод жены в плен.

В допетровский период развод могли получить просто по благословению духовного отца, без обращения к вышестоящим иерархам.

Реформы Петра I в законодательстве сформировали тенденцию к «совершенному запрещению самовольных разводов по взаимному согласию супругов и только к ограничению самих оснований к разводу».

Дела о расторжении брака имели под собой довольно мало оснований. Православная церковь жестко относилась к вопросу развода, в XIX в. количество оснований для развода сократилось.

Законными основаниями для расторжения церковного брака являлись осуждение одного из супругов к наказанию, связанному с лишением или ограничением прав состояния, продолжительное безвестное отсутствие одного из супругов, прелюбодеяние одного из супругов или неспособность его к брачному сожитию²¹⁷. Развод допускался также в случае согласия обоих супругов принять монашество, если они не имели малолетних детей.

Процедура развода была долгой и унижительной. Устав духовных консисторий утверждал: «Главными доказательствами преступления должны быть признаны: а) показания двух или трех очевидных свидетелей и б) прижитие детей вне законного супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи с посторонним лицом. Затем прочие доказательства: письма,

---

²¹⁷ Устав духовных консисторий. Ст. 223, 238. Свод законов Российской империи. Т. X. Ст. 45.

обнаруживающие преступную связь ответчика, показания свидетелей, не бывших очевидцами преступления, но знающих о том по достоверным сведениям или по слухам; показания обыскных людей о развратной жизни ответчика и другие – только тогда могут иметь свою силу, когда соединяются с одним из главных доказательств, или же в своей совокупности обнаруживают преступление»²¹⁸.

Тем не менее, количество разводов постепенно росло. Исследователь церковной статистики И. Преображенский приводит следующие данные численности разводов по Российской империи: 1840 год – 198; 1880 – 920; 1890 – 942. Согласно переписи населения, проведенной в 1897 году, на 1000 мужчин приходился 1 разведенный, на 1000 женщин – 2 разведенные²¹⁹.

В 1913 году по всей Российской империи на 98,5 млн. православных был оформлен 3791 развод (0,0038%). Конечно, эти цифры свидетельствовали не о благополучии в семьях, а о жесткости законодательства.

В 70–80-е годы XIX в. с большой остротой встал вопрос об облегчении процедуры развода. Поскольку по выступлениям сторонников упрощения процедуры развода в духовном суде можно судить, что страдающей стороной здесь представлялась женщина, то можно считать данные выступления одной из сторон движения за женскую эмансипацию. Второй причиной подобных выступлений было действительно тяжелое положение замужних женщин.

Либерально настроенная общественность в лице представителей юридического мира приводила многочисленные примеры тяжелого положения женщин из-за невозможности расторгнуть брак. Мировой судья Я. Лудмер выступил со статьей в «Юридическом Вестнике», в которой утверждал: «Многие наблюдатели современной народной жизни констатируют нам факт ожесточения, подчас и просто озверения народной массы <...> Ни одно судебное учреждение не может в пределах нашего законодательства оградить женщину от дурного и жестокого обращения с нею». Судья писал о том, что по существующим нормам однократное избиение жены

---

²¹⁸ Устав духовных консисторий. Ст. 242.

²¹⁹ Белякова Е.В. Церковный брак и развод в России в XIX в. / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова.

не может служить поводом для судебного разбирательства: в такой потасовке жена должна видеть только увещание, которое она должна принимать «с покорностью и почтением». А чтобы судья имел право посадить тирана-мужа в кутузку, нужно «постоянное, разновременное и часто повторяемое причинение мужем жене своей побоев, оставляющих на ее теле следы и знаки, и употребление им в дело палки, ремня, кнута и т. п.»²²⁰.

Российские юристы откликнулись на выступление Я. Лудмера большим количеством писем и статей, в которых они приводили многочисленные примеры избиения жен и детей в крестьянских семьях и отсутствие законных возможностей для борьбы с жестокостью мужей и членов семьи.

Множество примеров насильственной смерти жен от собственных мужей было приведено и в заметке юриста Верещагина «О бабьих столах». Верещагин, да и другие юристы, отмечали, что жестокое обращение с женами характерно только для русского православного крестьянства: они не сталкивались с такими ситуациями в среде иноверцев и староверов. Пресса была наполнена описаниями положения женщин-крестьянок, истязаемых своими мужьями. Подобные преступления были связаны с пьянством, которое было страшным бичом для русской деревни. Единственной общественной организацией, которая могла хоть как-то влиять на семейную жизнь крестьян, были волостные суды, но они не справлялись с ситуацией.

Дело было не только в том, что волостные суды не обладали средствами для наказания мужей, но и в определенном отношении самих членов суда к проблеме объема власти мужей над своими женами.

Как отмечал юрист Н. Лазовский, «волостные суды иногда отказываются от разбирательства самых очевидных дел, руководствуясь тем патриархальным принципом, что «муж считается старшим над женой и имеет право ее наказывать» и что «муж даром бить свою жену не станет, а если бьет, значит, она того стоит», а также глупейшей поговоркой «Бьет, значит любит».

---

²²⁰ Белякова Е.В. Церковный брак и развод в России в XIX в. / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова

Долго не замечавшая размеров проблемы русская православная церковь была вынуждена высказаться по поводу произвола глав семейств. Самарская духовная консистория, разбиравшая покушение замужней женщины на самоубийство, выявила, что причиной этого послужило жестокое обращение мужа. Консистория приняла определение, в котором отмечалось, что в подобных случаях следует наказывать не женщин, а их мужей-варваров, которые по воображаемому ими какому-то праву позволяли себе бить и терзать своих жен, часто ни за что ни про что, просто по сумасбродству, особенно в нетрезвом состоянии.

В определении Самарской Духовной Консистории указывалось, что Церковь должна следить за взаимоотношениями в семьях и что плохое обращение мужей с женами отрицательно влияет на детей: «Бесчеловечные отношения мужей к женам развращают нравы детей с раннего их возраста: глядя на отца своего, зверя, который тиранит свою жену, у них возбуждается дух ненависти к нему, а у иного может возбудиться такой же дух жестокости, пожалуй, теми же способами действия, какие усмотрены ими, когда отец бил-тиранил мать. Словом сказать, в высшей степени безнравственно для детей видеть скверные, и тем более убийственные, отношения отца к матери их, и за все это мужей следует подвергать церковным епитимьям».

В резолюции архиерея было сказано, что наказанию (за попытку самоубийства) должна быть подвергнута не только несчастная, доведенная до отчаяния жена, но и ее муж, «чтобы он помнил всегда, что он своими побоями жену свою едва не подверг вечной пагубе, от которой и сам не освободился, если бы она лишила себя жизни; — пусть он ежедневно, во всю жизнь свою, в чувстве покаяния и благодарения Господу, полагает по три земных поклона или сколько пожелает, по мере возможности, только не менее трех поклонов. Это будет его удерживать от строптивости в отношении к жене». В этом же документе были даны рекомендации священникам о мерах, которые нужно применять к мужьям, жестоко обращающимся с женами: от поклонов до отлучения от причастия²²¹.

---

²²¹ Белякова Е.В. Церковный брак и развод в России в XIX в. / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова

Сложная и длительная процедура развода приводила к тому, что многие фактически распавшиеся семьи продолжали существовать формально, что приводило к росту количества незаконнорожденных детей, фактов прелюбодеяния, по которым духовные суды возбуждали следствие. Статистика свидетельствует о значительной доле незаконнорожденных детей: в Санкт-Петербурге в 1867 году было зарегистрировано всего 19 342 рождения, в т. ч. 4305 незаконнорожденных (22,3 %); в 1889 году – 28 640 и 7907 (27,6 %) соответственно. По официальной статистике в 1890 году число детей, принесенных в воспитательный дом Санкт-Петербурга, составляло 9578 человек, в Москве в 1889 году – 16 636²²².

Прижитие ребенка вне брака автоматически вызывало возбуждение дела о прелюбодеянии в уголовном суде. Однако это обстоятельство не препятствовало продолжению духовного процесса, особенно если ребенок появился в результате союза лиц, находящихся в недозволенной для брака степени родства или свойства, что «Уложением о наказаниях» относилось к преступлениям против союза родственного.

Процессы о прелюбодеянии основывались на показаниях свидетелей, вызванных повестками в духовный суд и приносящих показания под присягой, и второстепенными доказательствами, имеющими силу в совокупности с главными доказательствами.

Иллюстрацией к общим положениям о деятельности духовных консисторий могут служить наблюдения, сделанные на местном материале.

Анализ архивных материалов Нижегородской духовной консистории лишь за 1850–1860 годы позволяет сделать вывод об активном применении церковного правосудия, так как содержит более одной тысячи окончанных дел. В отличие от светского правосудия церковное правосудие всегда оканчивалось каким-либо решением, представляющим собой либо «приговор» в современном понимании этого слова, либо «определение о передачи дела в иную судебную инстанцию», иногда даже другого характера, например, светский суд. Решение суда могло содержать какой-то один вариант – приговор или определение либо быть смешанным. Ярким приме-

---

²²² Там же.

ром такого является решением Суда Нижегородской духовной консистории по делу №46 от 28 февраля 1852 года «О самовольном уклонении крестьян Балахнинского уезда села Городца Иосифа Кутумова и Василия Фокина в раскол», которое содержит «приговор» раскаявшемуся крестьянину Иосифу Кутумову за захоронение детей на раскольничьем кладбище поморской секты в виде наказания трехлетней епитимьей, и «определение» о передаче дела в отношении нераскаявшегося Василия Фокина за несовершение процедуры крещения над детьми, а в случае смерти захоронении на раскольничьем кладбище светскому следствию и суду²²³.

Срок судебного производства различался в зависимости от сложности дела и жалоб подсудимых от нескольких месяцев до нескольких лет.

Вообще дела о расколе, впадении в ересь и нерадении и невыполнении правил православной церкви составляли значительную часть делопроизводства духовной консистории в Нижегородской епархии. Архивные фонды, содержащие документы Нижегородской духовной консистории, указывают на большое количество случаев подобных проступков.

Так, за 1870 год только в Макарьевском и Семеновском уездах Нижегородской губернии в нехождении к исповеди и прямом расколе было замечено значительное число прихожан. В селе Игумново Макарьевского уезда Работкинской волости из 575 жителей к исповеди не ходили 455 человек, кроме того в селе проживали 30 раскольников. Приходской священник отмечал, что «прихожане к церкви мало усердны, к духовенству не расположены, от исполнений долга христианского отдалены и убеждений не слушают»²²⁴.

Бумаги Нижегородской духовной консистории содержат также поименные списки раскольников с указанием их возраста, пола, социального и имущественного положения.

Не говоря о северных волостях Нижегородской губернии, в которых традиционно сильные позиции имели раскольничьи скиты, и значительная часть населения принадлежала к старообрядцам различных согласий, архивные материалы свидетельствуют о том, что и в других уездах раскол имел сильные позиции.

---

²²³ Ф.570. Оп. 558. Д.46. Л.30. 1852 г.

²²⁴ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559, 1870 г.

Наибольшее количество раскольников и лиц, не исполняющих установления православной церкви мы можем видеть в селах и деревнях. Их возраст весьма разнообразен, женщин среди них примерно столько же, что и мужчин.

Таблица 2

Год	Уезд	Мужчины	Женщины	Источник
1885	Макарьевский	7	11	Государственный архив Нижегородской области. Фонд 570. Опись 559. Дело 28 Там же
	Княгининский	6	2	
1894	Макарьевский	5	2	Государственный архив Нижегородской области. Фонд 570. Опись 559. Дело 133 Там же
	Сергачский	5	5	
1898	Макарьевский	3	7	Государственный архив Нижегородской области. Фонд 570. Опись 559. Дело 131

Проблемы существовали и в среде нижегородского духовенства. Материалы делопроизводства Нижегородской духовной консистории говорят о том, что проступки и преступления, совершаемые духовными лицами и подлежащие ведению духовного суда, были достаточно частым явлением. В фондах архивов содержатся многочисленные дела, названия которых говорят сами за себя: «Дело по прошению прихожан с. Воскресенского Курмышенского уезда об отрешении из их села всего церковного клира за ссоры, лихоимство и др. непристойные поступки»²²⁵, «Дело о привлечении к ответственности священника с. Новое Акмаково Алатырского уезда Ивана Семенова за лихоимство и др. непристойные поступки»²²⁶, «Прошение крестьян с. Давыдово Нижегородского уезда о привлечении к ответственности священника Елисея Степанова за пьянство, лихоимство и др. непристойные поступки»²²⁷,

²²⁵ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555 за 1870 г. Д. 46.

²²⁶ Там же. Д. 47.

²²⁷ Там же. Д. 48.

«Дело о лихоимстве, драках и др. непристойных поступках протоиерея г. Курмышша Ивана Петрова»²²⁸, «Прошение крестьян с. Воскресенского Курмышского уезда об отводе из их села церковнослужителей за лихоимство, драки и др. непристойное поведение»²²⁹ и др.

Духовные лица совершали также деяния, имеющие отношение к злоупотреблению приходской или частной собственностью. Например, церковнослужители с. Мурашкино растратили деньги и другие ценности, собранные на строительство церкви²³⁰, священник с. Свиныху Василий Сергеев захватил у крестьянина Федора Семенова строение²³¹.

В марте 1880 года было заведено «Дело о написании протопопом с. Городца Иваном Алексеевым и священниками Григорием Михайловым, Александром Ивановым неправильных духовных росписей»²³². Проводилось дознание по делу о незаконном обвенчании крестьян с. Кантичева священником с. Паранино²³³.

Имели отношения духовные лица также к изготовлению фальшивых документов и даже укрывательству разбойников, об этом также говорят документы духовного суда: «Дело о сочинении священником с. Троицкого, Саранской десятины, Василием Ивановым и помещиком дер. Соластлейки, Пензенского уезда, Егором Кислянским, фальшивого документа о постройке мельницы»²³⁴, «Дело по обвинению Нижегородского уезда села Головина попова сына Ивана Михайлова, в содержании им воров и разбойников атамана Симона, Терентия Абрамова с товарищами в доме своем и в написании им, Иваном, атаману воровского паспорта»²³⁵.

Сводные статистические материалы за несколько лет, доступные исследованию, можно представить следующим образом²³⁶:

---

²²⁸ Там же. Д. 49.

²²⁹ Там же. Д. 50.

²³⁰ Там же. Д. 52.

²³¹ Там же. Д. 54.

²³² ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555 за 1870 г. Д.59.

²³³ Там же. Д. 65.

²³⁴ Там же. Д. 71.

²³⁵ Там же. Д. 69.

²³⁶ Использованы материалы: Ф. 570. Оп. 555.

Таблица 3

Год	Всего дел	Дела о незаконных венчаниях	Дела о прелюбодеяниях	Уголовные дела с участием духовных лиц	Уголовные дела без участия духовных лиц, требующие наказания духовного суда	Дела о расторжении брака	Дела о нехождении к исповеди	Дела о злоупотреблении церковным имуществом	Общая церковная документация
1880	124	7	5	15	6	2	32	12	35
1891	143	5	16	28	10	5	45	8	26
1895	112	12	3	18	9	16	37	10	7

Выборочный анализ дел Нижегородской духовной консистории показывает, что значительную часть делопроизводства оставляли судебные дела. Внутри этой группы преобладают дела о нехождении к исповеди и уголовные дела с участием духовенства. Также можно отметить постепенный рост дел о расторжении брака, что показывает сложившуюся в обществе тенденцию пренебрежения правилами поведения, предписанными православной церковью и постепенным падением престижа брака.

Духовный суд во второй половине XIX – начале XX в. переживал непростой период, основанием которого стало неблагополучие в духовном состоянии общества, а также отсталость форм и процедур духовного суда. Церкви предстояло решить: встать ли на путь послабления, либерализации, модернизации, отказаться от чисто формального подхода и выработать новые подходы к разрешению вопросов церковной юстиции и сотрудничества со светским судом или оставить все в том же положении, основываясь на незыблемости церковных авторитетов.

Заключение

Рассмотрев некоторые материалы, касающиеся работы духовной консистории Нижегородской епархии и церковных судов в России периода второй половины XIX – начала XX в. и сопоставив их с общими тенденциями в развитии религиозных судов, можно сделать некоторые выводы.

Прежде всего, русская православная церковь на протяжении второй половины XIX – начала XX в. была тесно связана с государственными и правовыми институтами Российской империи. Как и другие административные структуры церкви, церковный суд также испытывал серьезное влияние со стороны государственной власти. Подобная тесная связь отличает российскую церковь от других конфессий христианства.

Вместе с тем, и общественные движения, расцвет которых в России произошел на фоне либеральных реформ Александра II, не могли не влиять на развитие церковных структур, в том числе, и церковного суда. Уменьшение юрисдикции церковного суда, смягчение наказаний, им налагаемых, увещательный, а не анафематствующий тон посланий об отлучении – все это говорит о том, что церковные суды Российской империи к началу XX в. во многом гуманизировались.

Отметим, что основная масса дел, разбираемых церковными судами, имела отнюдь не частный характер. Дела о нехождении к исповеди, нарушении догм христианства, склонении к ереси и преследуемым в России духовным движениям представляли собой важную часть государственной политики в идеологической сфере. Дела о расторжении или признании брака недействительным, пренебрежении предписанными правилами поведения и пр., хотя и относились к сфере частной жизни, тем не менее, государство жестко контролировало эти случаи. Поэтому мы вправе еще раз подчеркнуть, что церковные суды в России в названный период фактически являлись частью государственной судебной системы.

Сравнивая статус и область применения церковной юстиции во второй половине XIX – начале XX в. и в настоящее время, мы можем подметить некоторую тенденцию к сближению. Превращение современных церковных судов в квазисудебные государственные органы в свете недавно принятых поправок к Конституции вполне возможно именно в силу исторической традиции.

Список литературы

Источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией (А.И.). Т. 1. – СПб., 1841.
2. Артикул воинский // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3431. Д. 145, 161, 258.
4. Историко-статистические сведения по с.-петербургской епархии. Опись сведениям документов синодального архива. – №499. – СПб.: С-Петербург. Епарх. ист.-стат. ком., 1869–1885. – 25 с.
5. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. 1. – СПб., 1906. – 694 с.
6. Конституция РФ 1993 г. – М.: Юридическая литература, 2009. – 55 с.
7. Общие положения об устройстве суда // Государственный архив Российской Федерации, Ф. 3431. Д. 258.
8. Определение с Посланием Св. Синода № 557 от 20–22 февраля 1901 г. // Церковные ведомости. – 24 февраля 1901 г.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1895. – №22.
10. Перечень церковных правонарушений, подлежащих рассмотрению церковными судами // Собрание документов Русской православной церкви. Т. 1. Нормативные документы. – М.: Изд. Московской патриархии Русской православной церкви, 2013. – 544 с.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. – М.: Синодальная типография I, 1912. – №440.I.
12. Преосвященный Макарий. Правила догматического богословия. – СПб., 1868. – С. 205–207.
13. Правило Кирила митрополита Русского, епископов Далмата Новгородского, Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславского, Симеона Полоцкого на поставление епископа Серапиона Владимирского // Русские достопамятности, издаваемые обществом истории и древностей Российских. Т. 1. – М.: Университетская типография, 1815. – 199 с.

14. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 445. Д. 226.

15. Русский архив. Историко-литературный сборник. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1870. – 648 с.

16. Софийская I летопись под 7013. Полное собрание русских летописей. Т. VI. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – 359 с.

17. Стоглав. Соборное Уложение 1551 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

18. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

19. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

20. Уголовное Уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. IV. – СПб.: Гос. тип., 1897. – 243 с.

21. Указ 17 февраля 1718 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. – №3169.

22. Указ 20 мая 1721 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. – №3787.

23. Указ от 22 июня 1823 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. – №29711.

24. Указ Святейшего Синода от 30 июля 1821 г.

25. Указ Святейшего Синода 24 октября 1886 г. о результатах ревизии одной из двух консисторий.

26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1886. – 714 с.

27. Устав духовных консисторий, изъясненный: 1. Полным собранием свода законов Российской империи 2. Статьями духовного регламента 3. Указами Святейшего Синода... С прил.: 1. Инструкции благочинным белого духовенства 2. Инструкции благочинным монастырей... Первый полный с объясн. Сборник действующих по духовному ведомству узаконений. Настольная книга / Изд. юристов под ред. адвоката Фед. Вас. Ливанова. – СПб.: Типография М. Хана. – 609 с.

28. Устав уголовного судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIV.

29. Устав о церковных наказаниях // Российский государственный исторический архив, Ф. 796. Оп. 445. Д. 145. Л. 33.

30. Устав князя Владимира Святославича о церковных судах // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1984. – 512 с.

31. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 года №125-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/11523>

32. Центральный архив Нижегородской области. Фонд 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии.

33. Церковно-карательный устав // Российский государственный исторический архив, Ф. 796. Оп. 445. Д. 226. Л. 114.

Литература

1. Анафема – дело неподсудное // Коммерсантъ. – 2001. – №158. – С. 7.

2. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. – М.: Духовная библиотека, 2004. – 664 с.

3. Белякова Е.В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова. – М.: Кучково поле, 2011. – 704 с.

4. Белякова, Н. Проекты реформы церковного суда в конце XIX века // Церковный вестник. – 2004. – №12 (289).

5. Белогриц-Котляревский Л.С. Особые виды воровства – кражи по русскому праву – Киев: Унив. тип. (И.И. Завадского), 1882. – IV, 222, IV с.

6. Бердников, И.С. Краткий курс церковного права православной церкви / И.С. Бердников. – Казань: Типолиитография императорского университета, 1913. – 1443 с.

7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1888. – 699 с.

8. Вруцевич, М. Руководство для консисторий, духовных следователей и духовенства. – СПб., 1909. – 98 с.

9. Гайденко П.И. Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII в.), несколько наблюдений / П.И. Гайденко, В.Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 45. – 2011. – №12 (227). – С. 106–116.

10. Гаранова Е.П. Соотношение церковной и светской юрисдикции: история и современность // История государства и права. – 2007. – №21. – С. 13–15.
11. Гаращенко А.Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2006. – 28 с.
12. Гаращенко А.Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2006. – 181 с.
13. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. – М., 1906. – 919 с.
14. Горчаков М. К истории епитимийных номоканонов православной церкви. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1875. – 119 с.
15. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. – М.: Унив. тип., 1869. – 416 с.
16. Дорская А.А. Церковное судоустройство и судопроизводство в дореволюционной России // Научные труды Российской академии юридических наук. – 2005. – Вып. 5. – Т. 1. – С. 64–66.
17. Елагин Н.В. Белое духовенство и его интересы. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. – 183 с.
18. Емченко Е.Б. Стоглав. – М.: ИНДРИК, 2000. – 495 с.
19. Емченко Е.Б. Церковный суд в постановлениях Стоглавого собора 1551 г. // Исторический вестник. – 2002. – №1 (16). – С. 162–178.
20. Есипов В.В. О святотатстве по русскому законодательству // Варшавские университетские известия. – 1893. – Кн. VIII. – С. 1–42.
21. Заозерский М. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях: грузинской, греческой и славянской. – М., 1902. – 9 с.
22. Записки по церковному законоведению. – Киев: Типография университета, 1861. – 288 с.
23. Зимин А.А. Пересветов и его современники. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 499 с.
24. Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси со времени реформы Петра I – Казань: Унив. Тип., 1973. – 851 с.
25. Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Ч. I. – Варшава, 1931. – 321 с.
26. Карташев, А.В. Церковь. История. Россия. – М.: Пробел, 1996. – 304 с.
27. Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1900. – 160 с.

28. Лавров-Платонов А.Ф. Предполагаемая реформа церковного суда. – СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1873. – 458 с.
29. Лебедев Н. Стоглавый собор 1551 г. Вып. 1 – М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1882. – 16 с.
30. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. – Париж: YMCA-Press, 1947. – 676 с.
31. Неволин К.А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого // Полное собрание сочинений: Исследование о различных предметах законоведения. Т. 6. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. – С. 251–390.
32. Немытина, М.В. Суд в России второй половины XIX – начала XX в. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – 251 с.
33. Павлов А.С. Курс церковного права. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. – II, 539, VI с.
34. Павлов А.С. Отрывки греческого текста канонических ответов русского митрополита Иоанна II. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1876. – 21 с.
35. Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. – СПб., 1914. – 249 с.
36. Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности. – Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1904. – VI, 516, III с.
37. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. – М.: Крутицкое подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – 567 с.
38. Розанов В.В. История Московского епархиального управления. Ч. 1. – М.: Синодальная тип., 1869. – 245 с.
39. Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. – Казань, 1893. – 332 с.
40. Савченко И.В. Источники права церковной юстиции в Российской империи // Евразийский юридический журнал. – 2014. – №10 (77). – С. 102–105.
41. Соколов Н.К. Каноническое устройство церковного суда по началам вселенского соборного законодательства // Православный собеседник. – 1870. – Ноябрь – декабрь. – С. 586–609, 752–768.
42. Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда ввиду современных потребностей // Православное обозрение. – 1870. – Май, июнь. – С. 822–853, 973–1010.

43. Соколов Н.К. О разделении суда и администрации в епархиальном ведомстве // Православное Обозрение. – 1871. – №10–11.

44. Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. – Ярославль: Типолит. Г. Фальк, 1888. – 234 с.

45. Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. – СПб.: Типография и хромолитография А. Граншеля, 1876. – 337 с.

46. Тетюхин И.Н. Становление церковных судов в Российской Федерации // Вопросы современной науки и практики. Университет им. Н.И. Вернадского. – 2015. – №1 (55). – С. 200–207.

47. Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестник истории мировой культуры. – 1957. – №3. – С. 3–13.

48. Тихомиров, М.Н. Российское государство XV–XVII вв. – М.: Наука, 1973. – 422 с.

49. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 2. – СПб., 1875. – 332 с.

50. Харланов В.Л. Компетенция церковных судов Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – №1. – С. 118–129.

51. Чтения в московском обществе любителей духовного просвещения. – 1870. – Кн. IX.

52. Шестаков М.А. Церковные суды Русской Православной церкви как квазисудебные органы // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции памяти проф. Ф.М. Рудинского (24 апреля 2014 года). – М.: Изд. ЦОЗ, 2014. – 235 с.

53. Щапов Я.Н. «Священство» и «царство» в Древней Руси в теории и на практике // Византийский временник. – 1988. – Т. 50. – С. 131–138.

54. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М.: Наука, 1976. – 239 с.

55. Юшков С.В. Исследования по истории русского права. Вып. 1. – Саратов, 1925. – 151 с.

56. Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. – СПб.: Государственная типография, 1912. – 656 с.

Для заметок

Научное издание

Минеева Татьяна Германовна
Романовская Вера Борисовна
Савченко Илья Владимирович

**ЦЕРКОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Монография

Чебоксары, 2020 г.

Редактор *Б.А. Иммаева*
Компьютерная верстка *Е.В. Кузнецова*
Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 09.10.2020 г.
Дата выхода издания в свет 22.10.2020 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 6,045. Заказ К-722. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru